Дэлия Мор

Игры мудрецов

18+

Дэлия Мор
Игры мудрецов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39497324
SelfPub; 2019

Аннотация

Сколько я буду искать своё место в жизни? Метаться и не знать, что делать? Возможно, если бы мы с генералом родились не на этой планете, в ином времени и под другими звездами, то все было проще. А пока есть мудрецы, правители, легенды, идеи, цели и жестокие игры, я буду мотыльком лететь на его свет с закрытыми глазами. Иначе на самом деле сойду с ума.Обложка создана Ольгой Волковой с использованием изображений с сайта shutterstock.

Содержание

Глава 1. Подарок генерала 5
Глава 2. Пророчество 21
Глава 3. «Убей меня снова» 39
Глава 4. Чужое тело 57
Глава 5. Умерла… 73
Глава 6. …и воскресла 90
Глава 7. Похоронная церемония 107
Конец ознакомительного фрагмента. 111

Цикл «Цзы’дариец. Наилий»

Охота на мудрецов
Охота на мудрецов. Неизданное
Игры мудрецов
Тени мудрецов. Часть 1
Тени мудрецов. Часть 2

Глава 1. Подарок генерала

В особняке генерала властвует аромат апельсинов. Яркий цитрусовый запах ведет меня по комнатам третьего этажа мимо кабинета, библиотеки и зала для тренировок. Я знаю, что в дальнем углу правого крыла есть маленькая кухня. Так вкусно пахнуть апельсинами и выпечкой может только оттуда. Утопаю босыми ногами в длинном ворсе ковров, радуясь, что они скрывают звук шагов. «Умные» окна становятся прозрачными, заливая особняк утренними лучами светила. На равнинном материке лето. Жаркое, как никогда. Благодатное, щедрое и обещающее богатый урожай. А для меня просто счастливое. Мое первое лето с любимым мужчиной.

Прохожу последний поворот, ныряю в открытую дверь и вижу генерала пятой армии у плиты. Голая спина в белых рисунках старых шрамов, домашние штаны и растрепанные после сна светлые волосы. Его Превосходство печет вафли, наливая тесто половником на рифленые металлические пластины. Рядом на широком блюде лежат, раскрывшись, сочные апельсины. Круглые, спелые, оранжевые. Их аромат разбудил меня, но пришла я сюда не ради фруктов.

Неслышно ступая по мраморному полу, подкрадываюсь к Наилию со спины. Замираю на мгновение и целую в плечо.

– Не стал тебя будить, – тихо говорит генерал, – хотел сде-

лать завтрак и вернуться, но, как видишь, не успел.

Он оборачивается и целует меня. Пью горечь апельсиновый цедры с его губ, обнимаю за шею и прижимаюсь всем телом. Мой день начинается только сейчас. В объятиях Его Превосходства.

– Никак не привыкну, что ты умеешь готовить, – шепчу ему.

– Только не говори никому, – смеется генерал, – виликусы расстроятся, а остальные сильно удивятся.

– Не скажу, – обещаю и снова тону в поцелуе.

Глажу Наилия по спине, запускаю ладони под резинку штанов. Генерал не реагирует или только делает вид, что не обращает внимания на ласку.

– Вафли сгорят, – говорит он, отстраняясь, и дергает вилку из розетки, выключая вафельницу. Хозяйственный. Чудо, а не генерал. Снова оборачивается ко мне, задевая корзину с апельсинами. Они мячиками прыгают и катятся по полу, заворачиваясь в жесткую зеленую листву. Представляю, как Наилий торопливо срывал их с веток на рассвете, и расстроенно закусываю губу.

– Пришла, отвлекаю.

Генерал в ответ снова смеется и запускает руки под свою белую рубашку на мне. На воротнике золотится узкая кайма.

– Просил же не надевать генеральскую рубашку, – Наилий выговаривает наигранно строго, – у вас проблемы с дисциплиной, мудрец Мотылек.

Не спорю с ним. Просто дергаю за липучки и сбрасываю белую ткань с плеч, встречаясь с голодным взглядом Наилия. Он улыбается, рассматривая меня. Скользит пальцами по животу вверх до обнаженной груди. Склоняется ко мне, ласкает, обводя языком сначала один сосок, потом второй.

– Разве ты не устал ночью?

Генерал долго не отвечает, а я забываю, о чем спрашивала, растворяясь в ощущениях. Лишь на мгновение вспоминаю, что камеры на всем этаже давно выключены и мы действительно одни. Остается только горький привкус цитруса на губах и жар от тела Наилия, когда он спускает с бедер штаны и усаживает меня на столешницу, вставая между ног.

– Дэлия, чтобы я устал, тебе надо очень сильно постараться.

Принимаю вызов. Не ставлю встречных условий и готова проиграть, если понадобиться. Сила генерала сравнима только с его яростью. И то и другое пьянит до трепета и восторга. Крепко обнимаю его ногами и шепчу над ухом:

– Приступим?

Наилий отпускает себя, снимает барьеры и больше не сдерживается. Страсть проникает в меня с настойчивым поцелуем. Дикая, неконтролируемая. Закрываю глаза, оставаясь с генералом в только что созданном мире на двоих. Где есть одно наше дыхание и слияние двух тел. Эта сладость отдает болью, когда генерал вторгается в меня, не обращая внимания на протяжный стон, не останавливаясь, даже когда

царапаю за плечи. Неистовый и ненасытный, как его измотать? Наилий двигается все быстрее, входя в ритм. Мои стоны становятся долгими и звучат громче с каждым сильным толчком. Откидываюсь назад, опираясь на локти, и раскрываюсь навстречу. Пламя бушует, толкая сознание во тьму. Наш полет в бездну без страха и сожаления. Наилий твердеет во мне, почти превращаясь в камень. Движения становятся грубыми, отрывистыми. Невозможно не закричать. Тело умоляет о разрядке, и она приходит, накрывая мощной судорогой, взрываясь яркой вспышкой.

В висках стучит и воздуха не хватает. Реальность возвращается медленно, и я понимаю, что лежу на плече генерала. Слабая и мокрая насквозь. Барьеры возвращаются. Только что разгоряченный до безумия Наилий теперь успокаивается. Гаснет и леденеет, но я знаю, что где-то в глубине попрежнему бушует пламя. И я одна из немногих, кто его видит.

– Вафли остывают, – говорит генерал и целует в висок.

Жаль выбираться из его объятий, но день предстоит долгий. Раз уж нельзя носить рубашку с золотой каймой на воротнике, то я заворачиваюсь в кухонное полотенце. Аромат от выпечки божественный. Пока Наилий выливает остатки теста на вафельницу, я сервирую стол. Посуда из темного стекла, салфетки и джем со сливками в отдельных вазочках. Я не отказалась бы от шоколадного сиропа, но завтрак и без него почти идеальный.

– Ты апельсины в тесто добавляешь? – спрашиваю повара.

– Только цедру. Тру на мелкой терке, научу потом.

Обучение – еще одно наше занятие на двоих. Начиная от вождения катера и заканчивая бытовыми мелочами. Наилий прожил шестьдесят циклов в отличие от моих двадцати и знает больше, чем я могла себе представить. Мне приятно слушать его, а ему приятно делиться частицей своей жизни.

Вафли воздушные и очень нежные. Даже не хочется портить джемом тонкий привкус апельсина, зато цвет у вафель яркий, почти оранжевый. Не замечаю, как опустошаю тарелку, запивая лакомство молоком. Наилий ест молча и сосредоточенно. Вспоминаю, как рассказывал о последней командировке и решаюсь спросить:

– Благополучно все закончилось на Эридане?

– Нет, – качает головой генерал, – на претензию о некачественно выполненной зачистке мы ответили, но несколько часов назад лиенны снова обстреляли крупный город в приграничье. Население опять прячется в подвалах домов, а нам выкатили уже не претензию, а прямые обвинения.

– Полетишь туда в командировку? – спрашиваю, стараясь скрыть тревогу.

– Пока нет, – морщится Наилий, – посмотрим. Командует нашими войсками на Эридане полковник Тулий Малх. Не слишком удачно. Большие потери несет. Подожду, что он доложит по факту, и хочу, чтобы Малх сам с этим разобрался. Иначе, зачем мне полковники?

Киваю, больше изображая понимание, нежели действительно разобравшись во всех нюансах. Не горю желанием вникать в политику, но генерал настаивает. Тройка должна если не принимать активное участие, то хотя бы знать, что происходит за пределами планеты.

– Поедешь со мной в штаб?

Наилий спрашивает так буднично, словно на прогулку по территории особняка зовет. Замираю с вафлей в руках и не знаю, что ответить. В качестве кого я поеду в генеральный штаб? Любовнице генерала там не место. Как мудреца, меня никто не знает и не ждет. Изучать архитектурные изыски самого старого здания в Равэнне можно издалека. Зачем? Генерал тщательно вытирает руки салфеткой и ждет. Может быть, это проверка, и я должна отказаться? Не лезть туда, куда не следует? Вряд ли. Не замечала раньше у Наилия любви к подобным испытаниям.

– Ты ведь зовешь меня не похвастаться своим кабинетом? – осторожно спрашиваю его.

Генерал усмехается и встает из-за стола.

– Нет, но ты почти угадала. Поедешь?

Если Наилий что-то придумал и молчит, пытать бесполезно. Очередная многоходовка, в которой у меня далеко не главная роль. Сама виновата. На что потратила две недели после пробуждения из анабиоза? На походы к Публию, перевязку и чтение книг. Тройка? В самом деле?

– Хорошо, – уверенно киваю, соглашаясь на авантюру, –

дашь мне время собраться?

Генерал улыбается и подходит ко мне, чтобы убрать волосы за спину и крепко обнять. Наилий пропитан ароматом апельсина. Настоящим, природным, а не фантомным следом от агрессивной харизмы правителя. Я уже почти забыла, как он умеет давить, сметая все на своем пути. Вот бы не вспоминать никогда, но это наивно. Живу с генералом.

– У тебя полчаса, – шепчет он и хватает губами мочку моего уха, – когда будешь выбирать наряд, пожалей бойцов и офицеров в штабе. Не у всех настолько прекрасная женщина, как у меня. Умрут от зависти.

Улыбаюсь и целую его в ответ. Будет вам скромный наряд, Ваше ревнивое Превосходство.

Одеваюсь на удивление быстро. Голубое шерстяное платье не слишком длинное, но колени закрывает. Сводить шрамы с рук и шеи Публий пока запрещает, поэтому выходя с третьего этажа особняка, я натягиваю рукава до кончиков пальцев. Кутаюсь в шарф и понимаю, что буду очень глупо выглядеть на фоне полураздетых дарисс, гуляющих по разогретой, как сковорода Равэнне.

До штаба едем на машине с молчаливым лейтенантом за рулем. Все военные в особняке стараются не смотреть на меня лишний раз, а следить за периметром, обходить посты или пробегать мимо по очень важным делам со всей возможной поспешностью. Моя негласная вражда с Рэмом продолжается с того момента, как я вернулась. Майор службы безопас-

ности ждет не дождется, когда генералу наскучит его любовница-мудрец, а я уже рассмотрела издалека все привязки лысого стервятника. Досье писать не стала, но схему нарисовала. Наилий замечает и наши косые взгляды, и натянутые улыбки, но я не жду, что вмешается. Нельзя приказать Рэму изменить отношение ко мне. Но когда-нибудь этот вопрос придется решать. Кажется, сейчас.

– Из-за чего вы с Рэмом смотрите друг на друга, как враги? – спрашивает генерал. Прежде чем отвечать, я проверяю переключатель перегородки между водителем и пассажирами. Закрыто наглухо, нас не видно и не слышно. Просидев не один день под камерами, обзаводишься специфическими привычками.

– Антипатия и только. Серьезных поводов для ссоры не было, и нет.

– Хорошо, – кивает Наилий, – тогда помириться будет легко.

Не возражаю, но и не соглашаюсь. Молчу, пытаясь справиться с раздражением.

– Дэлия, – с нажимом говорит генерал, – наши с тобой жизни зависят от охраны и лично от Рэма. Соверши над собой усилие, прекрати эту глупую вражду.

Вслух обещаю подумать, а мысленно добавляю, что позже.

На горизонте появляется пригород Равэнны. Рабочий, малоэтажный. Но уже через несколько перекрестков дома набирают высоту и тянутся к облакам. Стеклянные фасады то-

нированы золотым, зеленым, синим. Город в лучах летнего светила сам становится похож на луговое разнотравье. Яркий и полный жизни. Жужжат рабочими пчелами автомобили, муравьи-цзы'дарийцы цепочками тянутся по улицам. Дариссы в летних нарядах порхают бабочками. Я высовываюсь в открытое окно, рассматривая город с восторгом ребенка. Плевать, что подумают прохожие. Я родилась в маленьком городе на границе с шестым сектором. Все детство и юность не видела ничего, кроме рабочего квартала, а потом шесть циклов смотрела на стены психиатрических клиник и закрытого военного центра.

– Подними стекло, пожалуйста, – просит Наилий, – подъезжаем.

Разочарованно возвожу преграду между собой и городом. Теперь на черном стекле можно разглядеть только мое бледное отражение.

Паркуемся на стоянке генерального штаба тремя уровнями ниже улиц. Между бетонными опорами стоят ряды одинаковых служебных автомобилей, черных, как форма военных. Строго, четко и согласно Инструкции. Система с жесткой иерархией, где каждый шаг регламентирован, и я смотрю на нее с вершины горы. У генерала высочайший статус и максимальные привилегии. Даже отдельный лифт на собственный этаж не кажется роскошью. В коридорах генерального штаба тихо так, что я слышу биение своего сердца. Таким же четким ритмом Наилий печатает шаг по темно-ало-

му ковролину. Стены, свободные от картин и фотографий, равномерно окрашены в бледно-желтый цвет, отчего воздух кажется удушливым. Теряю ориентацию и перестаю считать двери. Обратно тем же маршрутом одна не дойду.

Наконец, пытка однообразием заканчивается. Генерал открывает матовую створку стеклянной перегородки, и я вижу кабинет. Почти пустой, не считая рабочего стола, кресла и стульев для посетителей, но не это бросается в глаза. Помещение необитаемо, обезличено. В любом кабинете всегда много мелочей. Даже если Инструкцией запрещено иметь на рабочем месте личные вещи, жажда сделать пространство своим толкает хозяина на хитрости. Санитары крутят поделки из капельниц, Децим складывает журавликов из белоснежных листов бумаги, собирает цепочки из скрепок. Разрешается держать на столе скрепки? И бумага тоже не запрещена. Но здесь нет ничего. Даже у Наилия на столе лежал бы планшет с гарнитурой или другой гаджет.

– Это ведь не твой кабинет? – хмуро спрашиваю генерала.

– Верно. Он твой.

Новость заставляет осмотреться во второй раз. Рабочий стол широкий и удобный, кресло с высокой спинкой, как у Наилия в библиотеке, а единственное окно выходит на согретую летом Равэнну.

– У мудреца-тройки должно быть рабочее место, – говорит Наилий, усаживаясь на стул для посетителей, – я подумал, почему не в штабе?

– Ты работаешь рядом? – спрашиваю, но уже догадываюсь, что да.

– Через три двери направо.

Генерал явно доволен и ждет благодарности, а я никак слов не могу подобрать. Друз Агриппа Гор обещал своим мудрецам отдельный научный центр, но жили они в заброшенной офицерской казарме, а Наилий пустил меня в генеральный штаб. Смело, по-своему нагло, изящно и быстро. Как хулиганский полет на катере над крышами автомобилей в ночном городе. Радость переполняет и вот-вот выплеснется через край. Плевать на приличия. Это мой кабинет!

Забираюсь на колени к генералу, не обращая внимания на складной боевой посох и бластер, прицепленные к ремню. Устраиваюсь так, чтобы содержимое многочисленных карманов комбинезона не давило слишком сильно, и обвиваю руками шею Наилия.

– Роскошный подарок, Ваше Превосходство. Спасибо.

Последнее слово тонет в поцелуе. Долгом, тягучем. Генералу тоже не до приличий, он ведет ладонями вверх по моим бедрам, поднимая ткань платья. Пьет мое дыхание, играя языком и слегка прикусывая за губу. Нужно остановиться, пока жар не лишил рассудка. Мы все-таки в штабе.

– Я рад, что тебе понравилось, – хрипло выговаривает Наилий, – но это еще не все.

Выдыхаю, стараясь успокоиться. Спускаюсь с коленей генерала на пол и одергиваю платье. Туже затягиваю волосы в

хвост на затылке и обреченно иду в свое кресло.

– Планшет в правом верхнем ящике стола, – говорит Наилий, – гарнитура там же. Допуск в кабинет уже должны были сделать, а также на парковку и в мой лифт. Пока я буду в командировке, не стесняйся прилетать сюда на катере одна.

Пугаюсь, услышав слова «катер» и «одна» рядом. Не настолько я умелый пилот, чтобы летать самостоятельно. Пока достаю свой планшет, генерал вешает гарнитуру на ухо и коротко просит кого-то зайти. Ни имени, ни звания. Еще один сюрприз? Прижимаю ладони к покрасневшим щекам и ерзаю на кресле. Спустя мгновение стеклянная перегородка уходит в сторону, пропуская в кабинет Флавия Прима, либрария генерала. Он выше своего командира на полголовы и, так же как он, не по Инструкции подстрижен. Аккуратно расчесанная челка спускается до бровей. Галантный лейтенант всегда собран, подтянут и безупречен.

– Ваше Превосходство, – сдержанно приветствует он генерала.

– Капитан Прим.

Вздрагиваю, думая, что мне послышалось, и недоуменно смотрю на либрария. Он сверкает ослепительной улыбкой и слегка наклоняет голову:

– Дарисса Дэлия.

Получил все-таки капитанские погоны. Выходит, не обманула я его месяц назад своим предсказанием. Потом назвала предателем, была виновна в несправедливом заключе-

нии Флавия под стражу и стеснялась смотреть в глаза, когда встретились на горном материке в особняке Марка. Цзы'дарийцы могут ошибаться, но Вселенная все расставляет по местам.

– У капитана Прима новая должность, – объясняет генерал, – руководитель экспериментального научного сектора. Фактически он – твоя административная поддержка. Справки, запросы, согласования между многочисленными подразделениями и гражданскими специалистами.

– Проще говоря, теперь я ваш либрарий, дарисса, – улыбается Флавий.

Второй подарок затмевает первый. Сколько циклов теперь уже капитан Прим прослужил правой рукой генерала? Представить страшно, как много он знает. Мы еще не начали, а он уже гораздо полезнее меня. Почему Наилий отдал его мудрецам? Пока я ломаю голову над загадкой, Флавий обходит рабочий стол и останавливается у моего кресла.

– Надеюсь, мне все еще позволено приветствовать вас поцелуем вежливости?

Поспешно встаю, киваю, и, дождавшись прикосновения, ныряю в облако привязок. Отгадка может быть скрыта где-то в связях сюзерен – вассал. И она есть. Ниточка от капитана к генералу по-прежнему мощная и жесткая, а ко мне нет ничего. Ни единой тонкой фиолетовой паутинки. Флавий Прим категорически не считает меня своим командиром. Прекрасно, а чего я ожидала? Либрарий покупал пла-

тья и черное кружевное белье для любовницы генерала, и тут ему сообщают, что та же самая любовница будет им командовать. Несуществующие боги, железная выдержка у Флавия, раз он здесь и улыбается, глядя мне в глаза. Ради чего согласился на фарс? Наилий не помощника ко мне приставил, а шпиона? Похоже на правду.

Но если убрать в сторону паранойю, то тяжело представить ураган, бушующий внутри бывшего либрария. Так долго ждал повышения, отказался от звания капитана и перевода в четвертую армию, и ради чего? Чтобы в штаб пришла девочка с диагнозом шизофрения и отдавала ему приказы? Гоняла с поручениями, пользовалась знаниями и знакомствами?

Подарок мгновенно заворачивается в траурную ленту. Не повышение это, а наказание. За что? Думаю, что за связь с Агриппой, за найденный жучок в планшете, за несостоявшееся предательство. Вполне в духе правителей. Тот, кто был заподозрен и замечен в контактах с противником – уже не кристально чист. Тропинка протоптана, и второй заход с вербовкой теоретически может оказаться удачным. Потому Флавия нужно убрать или повысить. Наилий эффектно совместил первое со вторым.

– Что-то не так? – спрашивает генерал, и я понимаю, что уже долго стою и смотрю в одну точку.

– Все хорошо, – отчаянно вру.

– Тогда я оставлю вас работать. Вечером увидимся.

Наилий встает со стула, кивает нам на прощание и уходит.

– Какими будут ваши распоряжения, дарисса? – нарочито бодро спрашивает Флавий, а я бы на его месте расплакалась. Да и на своем тоже. Невыносимо страшно не оправдать ожиданий, когда так много получила, еще не заслужив. До нервной дрожи в пальцах. Облизываю пересохшие губы и начинаю чувствовать себя тройкой. Заставляю почти насильно.

– В той части теории Создателя, которую мы зовем «Легендой о тройке» говорится, что высшее существо на планете будет одно. Та самая тройка соберет все знания, добытые по крупицам из-за потенциального барьера, или самостоятельно откроет прямой выход в другой мир. Возможно, так и будет, но сейчас цельная картина разобрана на фрагменты, и они утеряны.

Флавий слушает молча, а потом и вовсе достает планшет и начинает водить пальцами по экрану, набивая фразы. Хочется думать, что делает пометки, а не пишет сослуживцу жалобу, как ему скучно и противно на новой должности.

– Каждый мудрец видит свой фрагмент, и сначала нужно собрать нас в одном месте. Не только двоек из медицинских центров пятого и девятого сектора, но и перспективных единичек. А также всех, кто не попал в психиатрическую клинику.

Последнее предположение не дает мне покоя. Я верю, что есть наши, не угодившие в руки к врачам по глупости, как я, когда рассказала матери про голос в голове. Они живут,

терпят свои способности и не знают, что прятаться больше не нужно.

– С двойками я переговорю, – кивает Флавий и щелкает пальцами по планшету, – а по каким критериям отбирать единичек?

Дивный вопрос. Профессиональный. Вот я и опускаю пристыженно взгляд на первых же минутах в новой должности.

– Списка критериев не существует. Есть только общее понимание. Мне понадобится несколько дней, чтобы составить анкету-опрос. Но беседовать с единичками все равно придется в присутствии их лечащих врачей. Многие в разгаре кризиса и не совсем адекватны.

– Понимаю, – кивает Флавий и снова углубляется в планшет, – отберем группы, составим график, согласуем с медицинской службой. Я правильно думаю, что на не выявленных мудрецов тоже будет анкета?

– Совершенно верно.

Капитан Прим заканчивает делать пометки и, не дождавшись от меня новых указаний, произносит:

– Разрешите приступить?

– Приступайте, – отвечаю и мне неловко.

Особенно, когда Флавий склоняет передо мной голову, как до этого перед генералом, разворачивается и выходит из кабинета. Опускаюсь обратно в кресло, чувствуя, как дрожат ноги. Теперь так будет каждый день. Привыкай, Мотылек.

Глава 2. Пророчество

Флавий работает быстро, наверное, как привык до этого с Наилием. Пока я устраиваюсь, включаю планшет, нахожу удобную программу и задумываюсь над анкетой, он уже докладывает, что в секторе сейчас трое мудрецов-двоек: Поэтесса, Конспиролог и Эмпат. Последнего привезли с горного материка после того, как Сновидец лег в анабиоз. Генерал Марк Сципион Мор решил, что держаться за одного Эмпата бессмысленно, и отпустил его к нам. Мудрецы готовы встретиться. С учетом времени на дорогу и все согласования это возможно только к вечеру за два часа до закрытия штаба. Подтверждаю встречу и благодарю капитана. Он в ответ молчит и ждет. Пауза тянется, а я не понимаю, кто первым должен разрывать связь?

– Что-то еще, дарисса? – вежливо спрашивает капитан Прим.

– Нет, у меня пока все.

Он ждет еще немного, ничего не меняется, а я уже краснею и нервно прикусываю согнутый палец.

– Дарисса, поскольку вы выше по должности, – терпеливо поясняет Флавий, – то разговор заканчивать вам. Обычно говорят «отбой».

– Спасибо, капитан Прим, – сконфуженно выговариваю я

и спохватываюсь: – отбой.

В гарнитуре раздаются короткие гудки, и я неловко сбрасываю ее с уха дрожащими пальцами. Привыкну, научусь, не все сразу. Вздыхаю и возвращаюсь к анкете.

Теория Создателя достаточно точно описывает все этапы развития личности, но чтобы определить, кто перед тобой – ремесленник, звезда, правитель или мудрец, нужен навык. За те циклы, что я знакома с классификацией, мне достаточно нескольких минут разговора, чтобы почувствовать харизму, заметить характерные детали в манере держаться и сопоставить увиденное со статусом цзы'дарийца. С тем местом, которое он занимает в жизни.

Иногда этап определяется не глядя. Все генералы – правители-двойки. Никто другой просто не в состоянии обойти их в борьбе за власть. Монолитные и непрошибаемые, как древние горы. Да еще и агрессивная харизма топит все вокруг себя. Полки, дивизии и легионы с трепетом восторга внимают речам генералов, а я чувствую фантомный запах. Апельсин от Наилия, корицу от Марка, черный перец от Агриппы и жженый сандал от мастера горного интерната.

Но если с так называемыми «чистыми» этапами все просто, то «переходные» единицы и тройки очень легко перепутать даже мудрецу. Они часто слиты воедино и в классификации пишутся через дробь. Например, звезда-тройка и правитель-единичка – крайне гремучая смесь. Такой цзы'дариец уже не звезда, поэтому лишен харизмы центра вселен-

ной, не обласкан удачей и не выделяется так ярко из толпы, но еще и не правитель, не дорос до их харизмы, пытается руководить, но получается плохо. Там, где не добирает авторитетом, пытается решить вопрос криком и кардинальными мерами. Увлекается, входит в раж, включает «звезду» и забывает, что теперь он не сам по себе, а в команде. Скандал получается феерический. Сам правитель-звезда с ним справиться не может, поэтому обычно появляется его вышестоящее руководство в лице правителя-двойки. Он успешно разгоняет всех по углам, воздает по заслугам и объясняет подчиненному, что так работать нельзя. Я с ума сойду, но не пойму, как эти нюансы вскрыть несколькими вопросами анкеты.

Должны быть узловые точки. Опорные моменты, выявляющие принципиальную разницу между этапами. Но тут возникает еще одна проблема – маскировка. Амбиции заставляют нас тянуться вверх и казаться лучше, чем мы есть на самом деле. Звезды мечтают сделать карьеру и перенимают повадки, ключевые фразы и манеру поведения правителей. Подчас настолько глубоко вытесняя собственные мысли, что обман вскрывается только на крупном провале. Задаче, с которой правитель обязан справиться, а у звезды нет заученного алгоритма действий. Вопросы должны копать под этот наносной слой.

В раздумьях день пролетает быстро, но очень тяжело. Брожу по пустому кабинету, пью воду, чуть ли не головой стучу

об стены – легче не становится. Наверное, зря я замахнулась на определение всех подряд, пока достаточно одних мудрецов.

Гарнитура противно пищит на столе. Флавий говорит, что гости прибыли, и просит разрешения войти. Выхожу встречать в коридор и вижу, как от лифта легкокрылой бабочкой порхает довольная Поэтесса, степенно вышагивает Конспиролог в военной форме с нашивками рядового разведки, а за ними, испуганно озираясь вокруг, плетется тощий и маленький цзы'дариец в светлом костюме. Он спотыкается, принюхивается, качает головой и нервно ерошит волосы. Работает Эмпат, читая сразу всех.

– Мотылек! – радостно восклицает Поэтесса и бежит обниматься, забыв о приличиях.

Мужчины молча ждут, пока она осматривает меня с ног до головы и торопливо шепчет над ухом, как я похорошела у генерала. Конспиролога я не видела с атаки на закрытый военный центр, он, как обычно, коротко кивает и тут же отворачивается изуродованной половиной лица к стене. Неудачная попытка самоубийства. Поставил пистолет под подбородок и выстрелил. Снес лицо, но выжил. Шрамы, как могли, свели, а глаз, нос и половину рта спасти не удалось. Эмпат подходит последним и осторожно касается моей руки двумя пальцами. Зажмуривается и тянет носом воздух. Отвечаю зеркально, пропуская через себя облако привязок. Типичный мудрец. Связей минимум, и они очень тонкие. Зато много жел-

тых ниток к семейству Марка. Работал с ними? Интересно, в качестве кого? По эмоциям, возникающим во время беседы, можно многое отследить. Не только правдивость собеседника, но и его истинные мотивы.

– Женщина-тройка – это слишком неожиданно, – ворчит Эмпат и косится исподлобья.

– Не более чем связка Телепата и Сновидца, работающих за потенциальным барьером, – пытаюсь отшутиться я, но мудрец вспыхивает:

– Лучше бы их обоих прикончили. Зачем хранить овощи в холодильнике?

– Чтобы они не испортились, – заявляет Конспиролог и цепляет упирающегося Эмпата за шиворот, – не нужно обсуждать это в коридоре, пойдем в кабинет сядем.

Провожаю их взглядом и смущенно оборачиваюсь к Флавию, но бывший либрарий холоден и невозмутим. Будто каждый день в генеральном штабе мудрецы выясняют отношения.

– И мы пойдем, дорогая, – Поэтесса берет меня за руку и тянет за собой.

Мужчины устраиваются на стульях для посетителей. Пытаюсь сесть рядом, но бывшая соседка по палате толкает за стол. Раз уж я собрала совещание, то должна руководить.

– Я знаю, не все рады видеть меня тройкой, – начинаю с самого неприятного.

– Тем более, что это не ты, – подает голос Конспиролог.

На стуле он сидит свободно и не держит осанку, как военные. Не то чтобы отвык, просто показывает, что я здесь не авторитет.

– Довольно играть в «Угадайку», – сдержанно улыбаюсь в ответ, – это все-таки я.

– Едва ли, – морщится мудрец, – я говорил с Создателем. Тебя использовали, Мотылек. Он просто хотел вытащить тебя из-под генерала.

– И подложить под другого, – не выдерживаю я.

– Совершенно верно, – невозмутимо продолжает Конспиролог. – Любовница – шикарный рычаг давления. Нельзя было упускать такую возможность. Что поделать, нравишься ты правителям. Одного окрутила и со вторым все получилось бы. Но не срослось. Теперь Создатель и Маятник там, а мы здесь.

– Тебя это не устраивает? – спрашиваю, сцепляя пальцы в замок, чтобы никто не увидел, как они дрожат.

Нехорошо начался разговор. У присутствующих здесь цзы'дарийцев чувство такта атрофировалось из-за длительного пребывания в психиатрических клиниках. Плевали они на чужие чувства.

– Меня устраивает все, – Конспиролог растягивает губы в улыбке, отчего изуродованное лицо перекашивается, – я снова в погонах, служу в разведке, состою на хорошем счету у командира. Мотылек, мои способности видеть ложь – нарасхват. А кем я буду у Друза Агриппы Гора? Еще одним си-

дельцем в четырех стенах? Нет уж, спасибо, мне и тут неплохо.

– Поэтесса? Эмпат? Вы хотите уехать? – решаю сразу выяснить этот момент.

– Я останусь с тобой, Мотылек, – улыбается Поэтесса и тянется через стол, чтобы погладить меня по руке.

Ее причину зовут Публий, и он глава медицинской службы личного легиона генерала. Вовсе не ради меня Поэтесса сидит в секторе.

– А меня просто никто не звал, – усмехается Эмпат, – видимо, не так важен и полезен, как те двое. Я сейчас не только про бодрствующих, но и про спящих.

Собрать мудрецов в одно целое – та еще задача. Нет б*о*льших индивидуалистов. Даже звезды склонны иногда образовывать союзы, но только не «наши». Каждый живет в маленькой Вселенной, имеет собственные представления об устройстве мира и своем месте в нем. Даже результаты работы интегрировать не всегда получается. Мы банально придумываем термины заново, объясняя одни и те же вещи, и отстаиваем их с завидным упорством. Теория Создателя хороша универсальностью, и он многое вложил в то, чтобы завоевать расположение других мудрецов. А кто я для них? Любовница генерала, получившая власть над ними по приказу?

– Мы можем работать сами. Без Создателя, – предлагаю я, не ожидая радости в ответ.

Поэтесса задумчиво кусает губу, Эмпат снова закрывает

глаза и наслаждается эмоциональным коктейлем. Бледным, как положено мудрецам, но какой уж есть. А Конспиролог наклоняется вперед, опираясь локтями о колени.

– Раскол? Мотылек, нас ведь не так много, чтобы делиться. Плюс твоими стараниями стало на одного меньше. Там двое и здесь четверо. Силы не в нашу пользу.

– Мы не единственные двойки на планете, – поясняю я свою идею, – есть единички, которые вырастут до двоек, и есть двойки, про которых пока никто не знает. Я хочу найти их среди других цзы'дарийцев, и нас станет больше.

Конспиролог молчит и думает, потирая большим пальцем подбородок. Заговоры и коалиции по его части. Если у меня не будет его поддержки, то вряд ли что-то выйдет. А мудрец видит во мне слабую женщину, ничего не знающую о серьезных играх серьезных мужчин.

– Я пока воздержусь, – отвечает он, – найдешь еще хоть кого-нибудь, тогда посмотрим. Извини, Мотылек.

– Я готова помогать, – говорит Поэтесса, – но ты знаешь мои ограничения. Предсказания должны касаться моей жизни хотя бы косвенно. Нам придется часто встречаться, ты согласна?

Благодарно киваю и улыбаюсь ей. Остается один Эмпат. Тщедушный цзы'дариец открывает глаза и отвечает:

– Я останусь. Скучно мне в центрах и на квартире, а тут целый штаб. Ярмарка амбиций и эмоциональных выбросов. Самое оно. Но учти, спрятать себя в прозрачный ящик я не

дам!

Выдыхаю и ныряю в Эмпата. Между нами вздрагивает фиолетовая жилка, и со стороны читающего эмоции мудреца в нее щедро вливается энергия. Кто бы мог подумать. Потеряла одного союзника, но нашла другого.

– Пока не выскочишь за потенциальный барьер и не начнешь оттуда убивать цзы'дарийцев, тебе ничего не угрожает, – обещаю Эмпату. Мудрец усмехается и снова принюхивается.

– Странная ты, Мотылек. То психуешь на отказ, то не радуешься согласию. Но психуешь вкусно. Не как мудрец, с огоньком. Я отдельный кабинет не прошу, стул вот этот выделишь и ладно. Коридоры общие? Сколько в день цзы'дарийцев проходит? Я могу спокойно там шататься, не боясь, что выгонят взашей?

Задумываюсь над вопросом, а Конспиролог собирается уходить.

– Договаривайтесь спокойно. Мотылек, ты знаешь, где меня найти. Пойду, не стоит тратить отгул впустую. Прощайте.

Кивает всем по очереди и исчезает, а мне приходится звонить Флавию, чтобы ответить на вопросы Эмпата. Капитан Прим выдает цифры, как из заранее подготовленной таблицы. Иногда добавляет, что так думает или ему так кажется, но осведомленность капитана все равно впечатляет. Эмпат покидает нас совершенно счастливым и обещает вернуться завтра.

Привкус от встречи, и правда, странный, но под вечер уж не остается сил удивляться и расстраиваться. Долгий день, устала. Слишком резкий взяла разбег, нужно экономнее раскладывать силы по дистанции.

– Тебе не жарко в таком закрытом платье? – спрашивает Поэтесса и тянет за рукав. Ткань ползет вверх, открывая розовую полоску свежего шрама. – Это что?

– Филин от меня гнездо защищал, ничего серьезного.

Но мудреца не так просто успокоить. Поэтесса закатывает рукава моего платья выше локтей. Разрисована я, как холст художника-абстракциониста. Филин кромсал когтями, а я отбивалась. Не эстетично, согласна. Мудрец хмурится, ведет пальцем по одному особенно длинному шраму и уточняет:

– Генерал не виноват?

– Нет.

– Не обижает тебя?

– Бездна, нет!

– Ну-ну, не кипятись, – успокаивает Поэтесса, – вижу, что расцвела и похорошела. Хотя сейчас такая уставшая. Месяц ничего о тебе не слышала, соскучилась. А давай пойдем ко мне и поболтаем. Как когда-то в центре. Что скажешь?

В одной палате жили, у одного психиатра наблюдались, о чем только не говорили, лежа в темноте и разглядывая потолок. А потом меня переселили в отремонтированный карцер по распоряжению Наилия, и я осталась одна. Мудрецы теперь в разных секторах, а друзей у меня все меньше.

– Поедем, где ты живешь?

– Там же, – лучится радостью Поэтесса, – у капитана Публия Назо. Прямо под крышей главного медицинского центра. Через дорогу от штаба, пешком дойдем.

Мудрецов давно перестали прятать после истории с атакой на центр, но Поэтесса так и осталась у Публия. Я не удержалась, проверила привязки. Зеленую нашла, а розовую нет. Никакой любви, одна страсть и та спокойная, если не сказать холодная. Зато моя привязка к капитану крепнет изо дня в день, накачиваясь со стороны Публия. Видимся редко, разговариваем тоже, но даже мимолетных воспоминаний и жгучего желания достаточно. Не провоцировать бы мне медика лишний раз, не ходить к нему домой, но я уже согласилась.

– Подожди, – прошу я, – Наилия нужно предупредить. И Флавия.

Мудрец останавливается в дверях, а я вешаю гарнитуру на ухо. Номер генерала вшит в память устройства, и вызвать его можно двойным нажатием на кнопку.

– Наилий, – зову по имени, забыв про обращение «Ваше Превосходство» при посторонних, – я хочу сходить в гости к Поэтессе. К закрытию штаба успею вернуться.

Жалею, что не ощущаю через телефон фантомных запахов и не могу прочитать генерала. В каком он настроении? Просто откажет или причину придумает?

– Ты закончила на сегодня?

И про дисциплину я тоже забываю. Рабочий день у всех

одинаков, даже у любовниц генералов. Мне бы повиниться и отменить встречу, но Поэтесса нетерпеливо ждет, и я уже настроилась на разговор. Стыдно. Сбегаю с работы в первый же день. Как после такого относиться ко мне серьезно? И оправдание искать некрасиво, поэтому я признаюсь:

– Да, разошлись все с совещания.

– Хорошо, тогда я тебя от Публия заберу. Вы же к нему идете?

Теряюсь от покладистости Наилия. Бормочу в ответ «хорошо» и слышу от него «отбой». Осталось предупредить Флавия, и он ничего не имеет против.

Из штаба дохожу до медицинского центра в полусне, почти не слушая болтовню Поэтессы. Ощущение неправильности или надвигающейся беды не отпускает. Паранойя, как она есть.

Лифт поднимает нас под крышу. У Публия не свой этаж, как у Наилия, а небольшая квартира под шпилем здания. Фойе с панорамным круговым остеклением. Если подойти близко, то кажется, что висишь в воздухе, а город лежит под ногами. Почти неразличимый в сумерках, словно кто-то пролил на Равэнну синюю краску, испачкав дома, улицы и автомобили. Только желтые вспышки фар и красные капли габаритных огней текут по асфальту.

– Красиво, правда? – шепчет Поэтесса. – Иногда полдня здесь стою. Если прищуриться, то можно поверить, что город живой сам по себе. И под его прозрачным панцирем видно,

как кровь течет по венам. Он никогда не спит и питается цзы'дарийцами. Проглатывает их и переваривает, гоняя по артериям улиц. И вырваться невозможно.

– Предсказывала что-то недавно? – спрашиваю, поймав настроение мудреца.

– Да, – хмурится она, – но потом. Я такой пирог испекла с яблоками и корицей, съешь целиком и точно растолстеешь, обещаю.

Куда мне, но я не спорю. Квартира встречает холодным сквозняком работающей климат-системы. Вкусы у Наилия и Публия на темные и квадратные интерьеры совпадают, разве что у врача диваны обиты светлой кожей и не так много металла в отделке. Кухню нахожу по аромату свежей выпечки. Поэтесса усаживает меня за стол и взахлеб рассказывает, что квартиру строили уже после того, как центр начал работать. Наилию не понравилось, что глава его медицинской службы часто спит по ночам в ординаторской, приглядывая за тяжелым пациентом или в ожидании транспортника с ранеными. Жертвует собственным комфортом, чтобы не терять время на поездку за город в особняк генерала и обратно до медцентра. Публий и сейчас не часто спит в своей постели и вообще редко здесь появляется, поэтому мудрецу скучно, и она безумно рада меня видеть.

– Ты продолжаешь свои стихи военным отдавать?

– Не все, бытовые предсказания себе оставляю. И если просто пишу для души.

Поэтесса говорит и нарезает пирог. Под тонким золотистым тестом лежат ровные кубики яблок в сахарном сиропе и темной пыли корицы. От начинки поднимается белый пар, а аромат прогоняет любые мысли кроме одной – с какого бока кусать? Молчим, пока жуем выпечку и запиваем ее молоком. Сколько Поэтесса ни рассказывала про свои пироги, а пробую в первый раз. До этого только фантазировала, сидя на койке в палате и питаясь больничной едой.

– Катастрофически вкусно, спасибо, – благодарю хозяйку и замечаю, что она нервно крутит ложку в руках, – что-то не так?

Мудрец вздыхает и отворачивается, а у меня кусок встает поперек горла. Слишком хорошо знаю, когда так делает, и в первую очередь предполагаю худшее:

– Предсказала что-то неприятное?

Она поджимает губы, и молчание сгущается темными красками. За окном светлой и уютной кухни гаснет вечер. Медленно тает, забирая в ночь остатки синевы. Теперь нас освещают только лампы, вытягивая тени на полу. Длинные и тонкие от ножек стульев, широкие и бесформенные от наших тел, а прямоугольник стола темнеет преградой. Закрылась Поэтесса. Должна что-то сказать, но не хочет. Отодвигаю от себя тарелку и решаюсь спросить сама:

– Поэтесса, помнишь, мы договорились, что если ты предскажешь мою смерть, то я узнаю?

Под белой лампой ее лицо кажется бледным, нос заостря-

ется, а глаза мудрец медленно опускает.

– Я порвала лист, когда написала. Наизусть не успела заучить, прости.

Не представляю себя на ее месте. Озвучивать кому-то приговор выше моих сил. Мне еще не страшно по-настоящему, просто жаль.

– Расскажи суть, я пойму, – поправляю шарф на шее и продолжаю, стараясь казаться безразличной, – мотыльки долго не живут, а я свой огонь давно нашла. Все хорошо. Я надеялась уйти раньше генерала, чтобы не видеть его смерть.

Поэтесса прикусывает губу и долго разглаживает складки на юбке. Не понимает, что для меня каждая минута ожидания – пытка.

– В стихе говорилось про тройку, – наконец, говорит она. – Глаголы с мужским окончанием и местоимение «он», но не кто-то из «наших», совсем другой. Он придет, когда не станет Мотылька.

Все-таки не я. А вот теперь обидно. Предскажи это Поэтесса раньше, и не случился бы побег в четвертый сектор. Да и теперь многое теряет смысл – кабинет, Флавий, поиск мудрецов. Больше всего в жизни боялась казаться тем, кем не являюсь, и вляпалась в это с разбега. Да, Создатель объявил меня тройкой на Совете генералов, но я ведь поверила. Настолько, что всем пожертвовала, а потом осталась в шрамах.

– Сколько мне осталось, там не сказано?

– Нет, Мотылек, – говорит мудрец и всхлипывает.

Молчит и ничего не обещает. Все верно, мы обе знаем, что предсказание сбудется. Хотелось бы пожить подольше, но не мне это решать. Интересно, как я умру? В особняк ракета прилетит? Нет, тогда пострадаю не только я. С лестницы упаду? Сердце остановится? Во сне задохнусь?

– Ты говорила Публию?

Поэтесса качает головой, вытирая слезы.

– Хорошо, – шепчу я. – Иначе он расскажет Наилию. Я сама. Сохранишь предсказание в тайне?

– Конечно… дорогая, – хлюпает носом мудрец. – Вот и посидели, поболтали, вкусного пирога поели. Что ты теперь будешь делать?

Жить, как ни странно. Сколько дней осталось – все мои. Велик соблазн все бросить и сидеть возле Наилия, боясь упустить каждое мгновение. Но он генерал. Штаб, учения, командировки. Я не могу запереть его в спальне особняка, не имею права.

– Пока все в силе, – отвечаю и горжусь, как бодро звучит мой голос, – приходи завтра, подумаем, как искать мудрецов. Раз тройки среди нас нет, то, быть может, смысл моего существования в том, чтобы его найти?

– Зря ты так, – вздыхает Поэтесса, – ну, кто оценит твою жертву? Осталась бы с любимым…

– Я никуда от него не денусь, – улыбаюсь я, – теперь уж точно. Расскажи лучше про себя. Ты счастлива?

Не очень своевременный вопрос, но нужно отвлечься. Мудрец опять вытирает слезы и начинает:

– Я спокойна. Нашла свою тихую гавань и жду моряка, глядя вдаль на море. Публий замечательный. Внимательный и заботливый, о лучшем даже думать не стоит. А что влюбленности яркой нет, так мы оба не молоды, поздно уже.

Не обманывает ни меня, ни себя. Отношения на взаимном уважении – одни из самых лучших.

– Я очень рада за вас…

Закончить фразу не успеваю, в дверь громко стучат. Поэтесса округляет глаза и встает из-за стола.

– Наилий, наверное, – предполагаю я и оказываюсь права, но частично.

Публий тоже пришел. Мужчины стоят на пороге в форменных комбинезонах. Уставшие оба и недовольные.

– Одна медкапсула заменяет трех специалистов, а у меня вечно недобор в той части сектора, – выговаривает военврач, – столичные не хотят ехать в глушь.

– Что значит «не хотят»? – генерал встает рядом со мной, обнимая за талию, но от беседы не отвлекается: – Распредели приказом. Мне учить тебя?

– Я со своим личным составом сам разберусь. Будут капсулы или нет?

Поэтесса так и стоит у двери на кухню, не решаясь привлечь к себе внимание. Публий разувается и расстегивает молнию комбинезона, мазнув по мне безразличным взгля-

дом.

– Посмотрим, – выдыхает Наилий, – десять слишком много, подумай о пяти.

– Девять, – упрямо заявляет военврач, – и я поднимаю вопрос о резерве.

– А по старинке анализы брать и диагнозы ставить не пробовали?

Медик на яд в голосе генерала внимания не обращает.

– Пробовали, но медкапсула быстрее. Восемь.

– Шесть, и развернутое экономическое обоснование мне завтра на почту. Закончили?

Публий кивает, и Наилий тянет меня на выход.

– До завтра, – успеваю сказать Поэтессе, прежде чем дверь закрывается.

Глава 3. «Убей меня снова»

Спокойно обдумать услышанное пророчество, спускаясь в лифте, мне не дает Юрао. Дух настойчиво стучится в сознание короткими репликами:

«Нужно срочно что-то делать! Никаких «исчезнет»! Ты всем нужна живой!»

Перестаю расстраиваться, что не знаю полного текста пророчества, не поможет он. Исчезнуть можно десятком различных способов, но смерть среди них – самый логичный.

«А вот и нет! Может быть, тебе спрятаться?»

Накрыться картонной коробкой и надеяться, что Вселенная обо мне забудет? Возмущенно фыркаю от подобной глупости и понимаю, что вслух.

– Мыслями вся в работе? – спрашивает Наилий.

Смотрит на меня так внимательно, словно чувствует что-то. Сам хмурый и дерганный, как ему сказать?

«Наилий, пророк предсказала, что я умру, сделай что-нибудь!» – подсказывает дух.

Отмахиваюсь от него, как от стаи мух, которых в лифте главного медицинского центра никогда не было.

– Ты поругалась с Поэтессой? – продолжает спрашивать генерал. – Вы обе выглядели расстроенными. Не молчи, пожалуйста, я уже понял, что у кого-то из вас проблемы.

Не могу ему врать и правду сказать не в силах. Спасает мелодичный звон остановившейся кабины лифта.

– Дома поговорим, хорошо? – прошу Наилия, и он кивает.

До парковки идем молча, а я вспоминаю, какая пытка мне сейчас предстоит. Все равно, что нырнуть в горный ручей и поплавать там. Нет, ничего серьезного, просто генерал подарил мне свой воздушный катер и научил его пилотировать. А я вместо эйфории от полета и свободы чувствовала настоящий ужас. Нет, с управлением я справлялась, могла взлететь и сесть на площадку возле особняка, но каждый раз через подвиг. Никакого удовольствия, только страх, что нажму не на ту кнопку, уроню катер в штопор или врежусь в деревья. В моих кошмарах даже появились новые сюжеты. Например, я лечу одна, нет уверенного голоса Наилия над ухом, управление отказывает, и катер падает с немыслимой скоростью. Может быть, именно так я должна исчезнуть?

Катер размером чуть больше автомобиля. Когда припаркован, почти не отличить. Тот же серебристый металл корпуса, синие вставки по бокам и фары с габаритами. Крыша откидывается наверх, а внутри единственное кресло. Генерал привычно ложится в него, а я устраиваюсь сверху. Порядок действий помню наизусть. Запускаю двигатель, представляя, как днище катера освещается ровным синим цветом, убираю стояночные опоры, перевожу управление в ручной режим и кладу ладони на прозрачные полусферы. Набираю высоту, а машина заваливается носом вниз.

– Стоп, – тихо говорит Наилий, – давай я поведу.

Складываю руки на груди и убираю ноги с педалей. Хотя бы до дома долетим спокойно. Сейчас не до красот ночного города, поэтому я переворачиваюсь на бок и утыкаюсь носом в шею генерала. Согреваюсь теплом его тела и думаю, как признаться.

«О чем тут думать? Расскажи, как есть».

«И он охрану ко мне приставит, каждый шаг начнет контролировать. Я живу с параноиком, забыл?»

«У этого параноика армия в тридцать миллионов и личный легион солдат, а ты помирать собралась гордо и молча».

«Иногда даже тридцать миллионов ничем не помогут».

Дух замолкает, но от попыток меня разубедить точно не откажется. Юрао связан со мной крепче, чем пуповиной. Не станет хозяйки – умрет ее паразит. Забавно, мертвый дух боится смерти больше, чем я живая.

«Я просто знаю, что там».

«Расскажи».

«Нельзя мне».

Серьезная проблема в нашем общении, да. Не свободен Юрао. В мире за потенциальным барьером есть своя иерархия и очень жесткие законы. Тайна посмертия охраняется строже всего. Глобальные надзиратели имеют возможность заткнуть моему духу рот, когда пожелают. Он также бесправен, как я. Но именно потому, что я его слышу, могу представить, какого это остаться без тела, болтаться в пустоте и

не иметь возможности действовать. Больше, чем просто «не станет».

«Хватит думать о смерти! Как выкручиваться будем из пророчества?»

Спрятаться не выйдет даже на другой планете. Есть вариант лечь в анабиоз. Пророчество исполнится, появится мужчина-тройка, и меня можно будет вернуть в мир живых. Хотя я ведь во сне не перестану быть собой. И вернется обратно все тот же мудрец Мотылек. Не получится.

«Отрекись от себя, – советует Юрао, – брось все и просто живи рядом с генералом. Называйся Дэлией и не вспоминай, что когда-то была Мотыльком».

Наилий будет рад, я думаю. Не женское это дело – формулировать Великую Идею, сидеть в генеральном штабе и руководить горсткой сумасшедших. Любовница генерала должна сидеть дома и рожать детей. Я хочу подарить Наилию сына. Неважно, что он станет двадцатым нилотом и тридцать пятым ребенком Его Превосходства, но и здесь есть проблемы. Моя шизофрения передается по наследству. Шанс, что ребенок родится здоровым, есть, но пока я не готова так рисковать. Во мне стоит барьер.

«Ты ведь расскажешь генералу о пророчестве?»

«Не сейчас».

Понимаю, что Наилий имеет право знать, но признанием я привяжу его к себе, как к постели умирающего больного. «Вроде бы жив, но еще день, неделя, цикл, сколько?» Не хо-

чу стать обузой. Смотреть в глаза Наилия и видеть страх, что уснув вместе со мной, утром он проснется один. Я уйду в бездну, а он будет все так же летать к звездам, устроит еще один осенний бал и встретит другую.

Генерал сажает катер мягко и по-своему красиво. Завидев нас, у ворот особняка выстраивается охрана, а мне сейчас точно не до колких взглядов майора-стервятника. Все проблемы кажутся ничтожными, когда есть, с чем их сравнить.

Ужинаем на третьем этаже. Я спрашиваю Наилия о проблемах с эриданами и слышу, что переговоры продолжаются, но все идет к еще одной военной операции уже за наш счет. Теперь понятно, отчего полководец такой хмурый. Незапланированные расходы никому не нравятся.

Думать ложусь в горячую ванну. Вернее, наливаю воду в чашу душевой кабины и устраиваюсь там. Ванная комната в особняке больше, чем два моих карцера в центре. Отделана белым мрамором и украшена вставками из черного кварца. На хромированных держателях висят белоснежные полотенца, и половину стены занимает зеркало. Огромная ванна на высоком пьедестале со ступенями тоже есть, но мне больше нравится в кабине. Здесь теплее, и можно рисовать узоры на запотевших дверцах. Обычно я вычерчиваю что-нибудь абстрактное, чтобы освободить разум. Волны, круги, треугольники. Стираю рисунок ладонью и вижу через матовое стекло силуэт на пороге.

– Ты намеренно тянешь время, чтобы я лег спать и забыл

про разговор? – недовольно спрашивает Наилий, открывая дверцы и протягивая полотенце.

Так ведь и до допроса можно домолчаться. Интересно, а меня в браслеты закроют? В подвал поведут? Или где обычно Рэм зверствует?

– Нет, – отвечаю генералу, – но давай я все же выйду из кабины и оденусь.

Поднимаюсь из воды, сбивая с тела мыльную пену. Наскоро вытираюсь и заматываюсь в махровую ткань.

– Одеваться не обязательно, – говорит генерал и легко подхватывает меня на руки. Несет до кровати молча и, только уложив на прохладное покрывало, задает следующий вопрос:

– Поэтесса сделала неприятное предсказание?

Попадает в цель, и я ежусь от дурных предчувствий, но не удивляюсь почти. Логично и очевидно. Что еще мог сказать мудрец с даром пророка, чтобы расстроить? Или в квартире Публия тоже есть камеры и микрофоны, а я напрасно пытаюсь что-то скрыть? Пора решаться.

– Более чем. Поэтесса стих написала, а бумагу порвала. Но общий смысл такой: «Тройкой станет мужчина. И появится он после того, как исчезнет Мотылек».

– Лучше бы вы просто поругались, – вздыхает Наилий и садится на кровать ко мне спиной.

Опускает изрисованные шрамами плечи и сутулится. Уже в домашних штанах, волосы растрепаны. Действительно со-

бирался спать, а тут я со своим пророчеством. Поправляю полотенце на груди и перебираюсь к нему ближе. Прижимаюсь пылающей щекой к плечу. Уже перегорела сама и ничего не чувствую, а от него тянет злостью и раздражением. Жаль, я не умею читать мысли, и успокаивать, что все будет хорошо, тоже не умею.

– Наилий…

– Подожди, а ты уверена, что предсказание настоящее?

Не замечаю, как впиваюсь ногтями в предплечья генерала, оставляя красные полумесяцы на коже. Сердце быстрее гонит кровь по венам, а выстроенные в уме варианты рушатся один за другим. Не может быть! Сознание отчаянно сопротивляется, ведь я почти смирилась.

– Не может быть, – повторяю вслух, – Поэтесса не ошибается.

– Разумеется, – подтверждает генерал, – солгав, пророк перестает быть пророком. Не поэтому ли она порвала бумагу? Чтобы не сдавать в архив под гриф «секретно» заведомо несбыточное предсказание? Не портить себе статистику.

Озноб пробирает, и комната качается, как на волнах. Откидываюсь на подушки, закрывая лицо ладонями. Мало мне Создателя, ставшего врагом? Теперь я Поэтессы должна лишиться?

– Несуществующие боги, зачем? – не то крик, не то стон, и такой громкий, что Наилий оборачивается.

– Дэлия, я опытный параноик и старый интриган, но в мо-

тивах мудрецов разбираюсь слабо. Хотя чем выше по склону горы они лезут к правителям, тем проще становятся. Зачем Создателю конкурент? Ты своим побегом опору из-под него выбила. Как он теперь доказывает Агриппе, что по-прежнему важен?

Снова разумно, и от этого еще страшнее. У Создателя нет способностей, кроме умения думать и делать выводы. Из нас всех он больше всего похож на обыкновенного психа с манией величия и навязчивыми идеями. К тому же ничем не подтвержденными. Он назвал меня тройкой, чтобы сделать символом грядущего преобразования мира, и ошибся. Не захотела я играть по его правилам. Теперь нужно дать задний ход, а как это сделать? Простого заявления: «Я передумал», явно мало. Нужны гарантии, что новый кандидат будет окончательным. А пророчество справится с этой задачей лучше всего.

– Выходит, он и Поэтессу решил использовать? – тихо спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

– Возможно, – задумчиво тянет Наилий, – но я не вижу ее мотивов. Постелила мягко, о твоем убийстве речь не идет, скорее об уходе от дел.

– Почему ты так уверен?

– Иначе в пророчестве звучала бы смерть.

Мысленно возвращаюсь на кухню в квартире капитана Назо. Мудрец – не звезда, чтобы так убедительно изображать скорбь и плакать настоящими слезами. Поверила в соб-

ственную ложь? Неприятно думать так о Поэтессе. Ничего кроме поддержки, понимания и ласки я от нее за время нашего соседства по палате в центре не видела. Но еще месяц назад я точно так же говорила о Создателе. А теперь мы в разных секторах и, судя по всему, по разные стороны баррикад. Стоило разрушиться замкнутому мирку секретного военного центра, как распалось и то общее, что нас связывало. Теперь все на свободе, и каждый сам по себе.

– Ты же ведь не станешь снова запирать меня в особняке? – осторожно спрашиваю генерала.

– Это бессмысленно, – пожимает он плечами, – ты и так всегда со мной и под охраной.

Прекрасная новость. Лучшая за этот вечер. Снимаю надоевшее полотенце и ныряю под покрывало. Наилий провожает взглядом, но ложиться рядом не спешит.

– День исполнения пророчества, конечно же, не указан?

Мотаю головой, что нет. День, месяц, цикл, двадцать циклов. Может быть, речь шла обо всей моей жизни, и тройка появится, когда я скончаюсь на сто первом цикле. Слишком долго.

– А если поторопить события?

– Это как? – хмурится генерал.

Идея безумная, но какие еще они бывают у шизофренички?

– Объяви меня мертвой, как уже сделал один раз, забирая из психиатрической клиники в военный центр. Тогда появи-

лось даже свидетельство о смерти и урна с прахом. Её передали моей матери вместе с известием о самоубийстве дочери. Мое имя уничтожили, и я стала Мотыльком. Сделай так еще раз.

Наилий закрывает лицо руками и глухо рычит. Тяну носом воздух, ищу аромат апельсина, жду, что включится харизма, генерал начнет давить и отговаривать, но нет.

– Мне не нравится эта затея, – цедит он сквозь зубы, – что мы выиграем? Заставим Создателя и Агриппу сделать следующий ход? Допустим. Но что получим взамен? Тебя действительно придется запереть в особняке и прятать ото всех. Ты же мечтала о свободе, а добровольно сдаешься.

– Я мечтала о Великой Идее, но раз тройкой буду не я, то что остается? Дать пророчеству исполниться и ждать, кто придет на мое место. Раз я собралась искать мудрецов, то, может быть, это не просто так?

Генерал снова рычит и бросается ко мне, вжимая телом в кровать. Между нами покрывало и больше ничего. Он разгорячен от нервного напряжения, а я остыла мокрая после ванны.

– Плевал я на Великую Идею, – выдыхает Наилий, – ты мне нужна и только! Хочешь, поиграем. Срежиссирую я этот спектакль. Натурально будет – все поверят. А как потом тебя оживлять, ты подумала?

Обнимаю его за шею и тяну к себе. Целую жадно и долго, через покрывало чувствуя, что заводится. Не успеваю насла-

диться яростью, как Наилий расслабляется.

– Подумаю, – шепчу я, выгибаясь, когда целует в шею, – потом, не сейчас.

Путаю пальцами пряди его волос, веду языком по губам, где еще остался мятный привкус зубной пасты. Не получится сегодня выспаться. Снова.

Генерал отстраняется и сдергивает с меня покрывало. Привыкла к своей наготе, теперь нравится, что он смотрит голодным взглядом, обводит ладонями силуэт по талии и бедрам. Некуда спешить, можно наслаждаться теплом прикосновений. Закрываю глаза, когда Наилий гладит по внутренней стороне бедра. Медленно, нежно. Касается губами кожи и рисует языком дорожку, останавливаясь только для того, чтобы положить мои ноги себе на плечи. Стоном встречаю ласку. Ощущения будоражат и заводят, даря легкость во всем теле, разливаясь сладкой истомой. Бесстыдный поцелуй, дразнящий. Сбиваю дыхание, глотая воздух открытым ртом, а Наилий проникает в меня языком. Дрожь прокатывается волнами.

– Подожди… нет, – всхлипывая, прошу я.

Слишком ярко, слишком быстро достигну пика.

– Нет? – с улыбкой спрашивает генерал и ложится рядом.

– Да, – не поддаюсь на провокацию. Облизываю прикушенную губу и говорю, глядя в голубые глаза, полные тумана: – но теперь я хочу дарить тебе ласку.

Опрокидываю Наилия на спину, освобождаю от брюк

и накрываю ладонью его каменное возбуждение. Горячий, твердый, пахнет мускусом и яблочным мылом. Ласкаю рукой и перекатываю на языке, выпивая прозрачную каплю влаги с самого кончика. Терпкая и чуть солоноватая на вкус. Генерал заводится, живот поднимается и опадает судорожными вздохами. А я заглатываю так глубоко, как могу, а потом отпускаю. Не выдержу больше, собственное возбуждение спазмом, голова плывет, и желание захлестывает. Сажусь верхом и любуюсь сильным телом Наилия на темных простынях. Пшеничным золотом волос, веснушками, как брызгами корицы. В моей любви всегда было много специй. Острых, волнующих, с оттенками боли и отчаянья. Но она моя. И он тоже.

Опускаюсь вниз, принимая в себя. Резко, до той самой боли. Всегда слишком много, но больше это не пугает. Раскачиваюсь, входя в ритм. Ощущение власти над генералом кружит голову. Пусть мимолетное и только на эти мгновения, неважно. Будет, как я хочу. Наилий гладит по ногам широкими, размашистыми движениями. Обнимает и тянется вверх, захватывая поцелуем. Долгим, тягучим поцелуем-укусом. Запускаю пальцы в его волосы, не отпуская от себя. Держу крепко и двигаюсь все быстрее, выбиваясь из сил, пьянея от жара. Нет ничего кроме этого удовольствия. Сердце колотится, воздуха не хватает, тела покрываются испариной за миг до взрыва. Меня ломает судорогой, кричу на одной длинной протяжной ноте и чувствую горячую пульса-

цию внутри себя. Генерал обнимает и не дает пошевелиться, пока не отдаст все до последней капли.

В изнеможении кладу голову ему на плечо и роняю руки, скользя пальцами по мокрой спине. Теперь точно только спать. Наилий бережно укладывает меня на подушки, прохладная простынь дарит еще одно блаженство.

– Устала? – тихо шепчет он, и я не успеваю ответить, проваливаясь в сон. Густой, вязкий, без единого сновидения.

От него утром болит голова и кажется, что только что закрыла глаза, а светило уже пробивается лучами через затененное стекло.

– Опаздываем? – бормочу я, поднимая голову с плеча Наилия.

– Нет, но нужно спешить.

Ночью был дождь, стало прохладнее, и теперь мой шарф в радость. Прячу нос в складки ткани и пытаюсь дремать, пока служебный автомобиль везет нас в штаб. Полеты на катере генерал решает отложить до лучших времен. Не возражаю, с таким предсказанием паранойя уместна. Пока мы будем ставить спектакль с мнимой смертью, я могу по-настоящему разбиться в аварии.

Не опаздываю, прихожу вовремя, но Флавий уже стоит возле двери моего кабинета с планшетом в руках и гарнитурой на ухе.

– Капитан Прим, – приветствую я.

– Дарисса Дэлия, медики подтвердили готовность списков

единичек, – офицер заходит внутрь и уверенно направляется к стулу для посетителей, но не садится, пока я не устроюсь за столом. – Нужно выбрать день первой встречи и от него распределить остальные.

Опускаюсь в кресло, достаю планшет из кармана платья и замираю. Анкету я и «мертвая» разработаю, но кто будет ходить на встречи? В стекло перегородки деликатно стучат, и на пороге появляется сияющая Поэтесса в ореоле золотых кудряшек и шифона зеленого платья.

– Не помешаю?

Вчерашняя догадка Наилия про недостоверное предсказание больно бьет обидой, и я против воли опускаю взгляд.

– Дарисса, – Флавий встречает мудреца поцелуем вежливости и провожает к другому стулу.

Мне нужно отвечать на вопрос капитана и решать проблему моего возможного отсутствия на долгое время, а внутри клокочет и пузырится болотной жижей предательство подруги. Почему бы им всем сразу не переметнуться к Создателю, раз я как тройка ни полом, ни опытом не вышла? Куда логичнее ждать Великой Идеи от мужчины, чем от глупой женщины. Включить логику и предсказания о тройке станут не нужны.

Последним из тех, кто мог прийти, появляется Эмпат. Попрежнему в светлом костюме, но не такой дерганный как вчера. Мудрец тянет носом воздух и широко улыбается:

– Поругаетесь сейчас. Ставлю на Мотылька. Она сильнее

взвинчена и кричать будет громче.

– Ставлю на благоразумие и плодотворную работу, – парирует Флавий, кивком предлагая Эмпату садиться.

Мудрец принюхивается к капитану, как собака, и радостно восклицает:

– Ох, жаркая была ночка, умеешь стресс снимать, уважаю.

За отсутствие такта у мудрецов давно стыдно, но Флавий остается невозмутимым:

– Чем выше должность, тем глубже стресс, и тем тщательнее его полагается снимать.

Эмпат смотрит на него влюбленно и послушно садится рядом, с шумом придвигая стул. Ныряю в мудреца и улавливаю свежую желтую привязку. Очарован, мечтает дружить, доверчиво тянется сам. Мы часто ведем себя как наивные дети, когда дело касается отношений. В этой части жизни мудрецы уязвимее всего. Отвыкли в психбольницах от городских джунглей с хищниками, но за Флавия переживать не стоит. Все привязки спокойны, гнева я не вижу, а с дружбой они позже сами разберутся. Мне бы понять, что делать с моей.

– Рада, что все в сборе, – говорю я, – жаль, что мы только начали, а я уже исчезаю на неопределенный срок.

Поэтесса морщится и обнимает себя руками. Эмпат дергается в ее сторону, но молчит, чуть ли ни потирая ладони в предвкушении. Любит яркие выбросы эмоций, живет ими и питается, как мой дух-паразит похотью.

– Поэтому я прошу вас распределиться на встречах с муд-

рецами-единичками так, чтобы вас всегда было двое. Поэтессе нужно сделать проблему своей, тогда пойдут связанные с ней предсказания. Эмпат по эмоциональному фону будет определять тех, кто прошел пик кризиса и адекватен настолько, чтобы расти до двойки, и позже я в помощь сделаю анкету.

– А куда ты собралась? – спрашивает Эмпат. – В командировку?

– Можно сказать и так, – киваю в ответ, а мудрец опять наклоняется к Поэтессе.

Фантазия рисует мне комара, сосущего кровь из бокала через соломинку. Ест с огромным удовольствием, разве что не причмокивает.

– Хорошо, дорогая, мы все сделаем, – соглашается Поэтесса.

– Начнем через три дня, за это время я выдам первую анкету, – продолжаю формулировать задачу, – я решила не гнаться за универсальностью, а готовить вопросы раздельно по этапам и уровням. Среди мудрецов-единичек будущих двоек больше всего, они сейчас в приоритете.

Флавий делает пометки в планшете, а Эмпат качается на стуле, разглядывая лампы на потолке.

– Сейчас мы можем тебе чем-то помочь? – спрашивает Поэтесса.

– Мне, наверное, нет. Капитан Прим, вы не откажетесь от добровольных помощников?

Знаю, как Флавий загружен согласованиями. У мудрецов доступа во внутреннюю сеть военных нет, но звонить по телефону и составлять таблицы они могут.

– Да, буду чрезвычайно признателен, – улыбается капитан.

– Тогда у меня все на сегодня.

Эмпат пружиной подскакивает со стула и цепляется к Флавию:

– Куда пойдем? Что делать?

– Ко мне, там удобнее будет.

– Я тоже пойду… очень скоро, – бесцветно добавляет Поэтесса, не сводя с меня обеспокоенного взгляда.

– Следующая дверь по коридору направо, дарисса, – говорит Флавий и уходит из кабинета вместе с Эмпатом.

– Как ты? – Поэтесса подходит к моему столу и кладет руку на спинку кресла. Трусливо прячу от нее глаза, радуясь, что она не видит привязок, как я, и не чувствует эмоциональной бури, как Эмпат. Может быть, позже предскажет в стихах нашу ссору, но не сейчас. Наилий мог ошибиться и увидеть корысть там, где ее никогда не было. Не хочу сгоряча разрывать связывающую нас нить. Но и открывать свою задумку с инсценировкой смерти не стану, иначе она потеряет смысл. В итоге мысленно отправляю подругу по ту сторону баррикад.

– Жива пока, как видишь, – пожимаю плечами.

– Куда ты, на самом деле, хочешь… исчезнуть? – с трудом

выговаривает мудрец.

– Останусь с любимым мужчиной, как ты советовала.

– Правильно, – вздыхает Поэтесса и целует меня в макушку, – держись, дорогая, все будет хорошо.

– Обязательно, – шепчу я.

Гадко и пусто внутри. Вот и начались мои прощания. От крыльев Мотылька оторвался первый кусок, и ветер унес его в бездну.

Глава 4. Чужое тело

Работа не идет в голову, тупо вожу пальцами по планшету и не могу собрать разлетающиеся мысли в одну стаю. Отличить мудреца единичку от двойки просто, но вопросы анкеты все равно сами не формулируются. Флавий занял мудрецов надолго, я одна в кабинете. По-прежнему пустом и безликом. Обживать уже нет смысла, пора прощаться.

Едва ли кому-то еще доведется назначить дату собственной смерти. Успеть завершить дела и сделать свой уход безболезненным для окружающих. Но как мне готовиться? Я уже умирала один раз и лишилась всего, даже имени, и потом ничего нового не появилось. Все, что сейчас есть материального, принадлежит Наилию, а теорий, учений или стихов после меня не останется. Прожила двадцать один цикл и действительно исчезну без следа. Не закончу даже то, что начала с мудрецами. Можно, конечно, работать в особняке, прячась в подвале, а Флавию передавать записи, будто я успела сделать их при жизни. Месяц буду передавать, два, а потом это станет слишком подозрительным. Значит, капитана Прима нужно посвящать в тайну. Но пророчество не исполнится, если я буду выдавать мысли от своего имени. Инсценировка смерти станет бессмысленной. Исчезнуть придется окончательно. Жаль. Нужно научить Флавия распознавать мудре-

цов и надеяться, что он будет их искать, зная, что меня больше нет.

Гарнитура пищит, вешаю девайс на ухо и отвечаю:

– Слушаю.

– Дэлия, зайди, пожалуйста, к Публию, он тебя ждет, – сухо говорит Наилий, – встретит у лифта главного медицинского центра.

– Что-то случилось?

Генерал медлит с ответом, а я ничего не понимаю. В последнюю нашу встречу Публий заверил, что в медицинском наблюдении я не нуждаюсь. Здорова. Зачем тогда?

– Он сам тебе расскажет. Или ты передумала и останешься живой?

Значит, военврач уже в курсе идеи. Расстраиваюсь, потому что чем меньше цзы'дарийцев о ней знает, тем лучше. Понимаю, что от Публия нужно свидетельство о смерти, но он мог его выписать, веря, что все по-настоящему.

– Зачем ты впутал его?

– А у кого взять труп женщины, чтобы сжечь в крематории? Объявленная на Совете генералов тройка – моя любовница. Я не могу просто показать урну с твоим прахом, мне никто не поверит.

Резонно. Серьезный подход. Чувствую, церемония погребения пройдет с генеральским размахом.

– Хорошо, я уже иду.

– Отбой.

На улице дождливо. Противная мелкая морось в преддверии затяжных летних ливней, когда небо укрывается плотными слоями облаков, а гром способен оглушать. Волосы намокают и вьются, светлое платье иссечено каплями дождя. Стряхиваю воду с плеч и ныряю в суету холла медцентра. Темно снаружи, горят почти все лампы. Публий встречает у лифта, и лишь в кабине я понимаю зачем. Доступ на верхние этажи ограничен. Там научная лаборатория, стационар и кабинет главы медслужбы.

Лифт останавливается на шестнадцатом этаже, выпуская меня в уже знакомый коридор с фотографиями на стенах и мягкими диванами. Проходим мимо комнаты с медкапсулами, и Публий запускает меня в процедурный кабинет. Успокоившееся сердцебиение снова ускоряется. Медики – совершенно особенные цзы'дарийцы. Могут сделать больно сотней разных способов, а на них даже пожаловаться нельзя, не то, что отомстить.

– Зачем я здесь, капитан Назо?

– Наилий помешан на достоверности, – объясняет Публий, доставая из шкафа медицинский кейс, – ему мало, чтобы труп был одной с тобой комплекции. Нужно полное внешнее сходство. Поэтому первое, что от тебя понадобится, слепок лица. По нему изготовят силиконовую маску.

Значит, в саркофаге в белом погребальном платье действительно буду лежать я. Все, кто придет на церемонию высказать Наилию соболезнования, увидят мое лицо, живые

цветы в моих волосах, белое кружево на моих руках. И потом меня сожгут в печи крематория. Озноб пробирает от этой мысли.

– А второе?

– Шрамы на руках трупа должны быть точно такими же, как у тебя. Их тоже сделают силиконовыми накладками.

И снова не поспорить. Киваю, соглашаясь, а Публий открывает кейс и собирает из составных частей пугающее устройство. Рукоять и ствол как у бластера, но там, где должен быть оптический прицел – широкий экран. У военных даже медицинское оборудование с особым оттенком. Один инъекционный пистолет чего стоит.

– Что это? – испуганно спрашиваю я.

– Машинка, – пожимает плечами Публий, – название длинное и скучное, поэтому просто машинка. Она шрамы сводит. Тебя больше нет, Мотылек, и шрамов нет. Иди за ширму, раздевайся.

Иногда мне кажется, что просьбу раздеться я чаще слышу от Публия, чем от Наилия. Я бы не реагировала так остро, не будь между мной и капитаном зеленой привязки. Уже слишком толстой, чтобы ее игнорировать.

«Руки он к тебе не протягивает и намеков не делает, – встревает в мысли Юрао, – страдает молча».

«Страдает ли?»

«Еще бы. Хотеть женщину своего друга. Тут башкой об стену будешь биться».

Встаю за ширму и медленно разматываю шарф. Я ведь тоже чувствую редкие вспышки. Слабую нервную дрожь, когда Публий прикасается ко мне. Осмотр, да, врач давно ничего к пациенткам не чувствует. Холоден, подчеркнуто вежлив и невозмутим. Все правильно и профессионально, но привязка есть. Снимаю платье и выхожу из-за ширмы в одном белье.

Военврач не смотрит на меня, только на руки. Аккуратно берет за предплечье и поворачивает из стороны в сторону. Длинные рубцы оставил филин, когда драл меня когтями. Глубокие вышли, зашивать пришлось.

– Их бы за два раза, – задумчиво бормочет Публий, – но времени мало.

Замирает, не отпуская меня. Гладит большим пальцем по шраму. От прикосновения тепло разливается по коже. Привязка отрабатывает, усиливая ощущения стократно. Волна жара идет от капитана ко мне, накрывая с головой. Захлебываюсь чужой энергией, чувствуя, как откликается что-то внутри. Прикосновение такое невинное, зачем паниковать? Если можно закрыть глаза и наслаждаться…

– Нет!

Резко выдергиваю руку и делаю шаг назад. Наваждение исчезает, оставляя передо мной удивленного Публия. От недавней бури не остается следа, только мне теперь стыдно за свое поведение. Неадекватна, как единичка в кризисе.

– Будет местная анестезия, – медик по-своему понимает

мою реакцию, – не бойся.

– Извините, капитан Назо, – смущенно шепчу я.

Военврач не отвечает, выставляя параметры на той самой машинке. Фактически сейчас мне пересадят кожу. Срежут тончайший лоскут рядом со шрамом и сместят его в сторону, закрывая рубец. Новый эпителий приживется и замаскирует дефект. Публий отправляет меня на кушетку, обкалывает анестетиком и приступает. Закрываю глаза и вспоминаю небылицы, которые сочиняли покрытые шрамами генералы, объясняя, почему не идут на такую процедуру. Звук, и правда, мерзкий: шипение, пополам с потрескиванием, а еще резкий запах антисептика. Лежать приходится долго, я успеваю задремать, как слышу:

– Повязку можно снять на третий день.

Медик клеит на мое предплечье стерильную повязку, рядом вторую, третью. Много шрамов за раз свели, я словно перебинтована. Руки в локтях сгибать неудобно.

– Если что-то будет беспокоить, звони, – предупреждает Публий и разрешает одеться.

Выхожу из-за ширмы в платье и снова натягиваю рукава до кончиков пальцев, теперь чтобы скрыть белый пластырь. Шея тоже заклеена, а рубец на затылке военврач решил не трогать. Память о побеге из четвертого сектора у меня все же осталась.

– От чего хочешь умереть?

Дергаюсь от неожиданного вопроса, теряюсь на миг, а по-

том вспоминаю, о чем речь.

– Не знала, что можно выбрать.

– Учитывая пристойное состояние трупа, выбор не велик, – сумрачно отвечает медик, – инфаркт, инсульт, хроническая обструктивная болезнь легких…

Еще одна роскошь, доступная только самоубийцам и таким актрисам, как я. Помню, как спорили в центре от чего лучше. Вены вскрывать, в петлю лезть или пулю в висок пустить. Мужчины советовали пулю и всячески отговаривали от удушения, расписывая, как потом неаппетитно будет выглядеть тело с прокушенным языком, с расслабленным кишечником и мочевым пузырем. Брезгливость пытались вызвать у нас с Поэтессой. Не все ли нам равно, мертвым?

– Та дарисса от чего умерла?

– Отравилась, – нехотя отвечает Публий. – Работала с медикаментами, доступ к ним был, вот и наглоталась до смертельной дозы.

Еще одна самоубийца. Символично до невозможности. Так действительно можно поверить, что себя хороню.

– Пусть будет отравление, – выбираю правду и продолжаю мучить расспросами: – А как же родственники? Неужели не заметят пропажу?

Военврач вздыхает, видимо, проклиная мое любопытство и болтливость. Женщина, ничего не поделать. Публий убирает в сторону планшет и устало трет руками лицо. Умеет Наилий жилы тянуть из подчиненных. Утром только дал за-

дание, а уже труп, легенда, маска, шрамы.

– Тетка у нее и больше никого. Занятая дарисса. Прошение составила, чтобы кремировали за счет сектора, а ей урну выдали с прахом племянницы.

Улыбаюсь ни к месту. Моей матери тоже урну выдали с моим прахом. Вдруг интересно стало, что туда на самом деле насыпали? Дарисса сирота, значит. Зато сожгут красиво, как любовницу генерала, а тетка потом получит настоящий прах. Никакого обмана и все довольны.

– Когда кремировать собираетесь? – спрашиваю последнее, что волнует.

– День будут маску делать по слепку вместе с накладками на руки, – перечисляет Публий, – потом я медицинское заключение обнародую и отдам тело Наилию. Только тогда он сможет начать готовиться к церемонии. Даже для генерала это не мгновенно. Думаю, еще день.

Всего два дня мне остается, чтобы побыть собой. А что делать дальше, я пока не представляю. Теряюсь в догадках, как отреагирует Создатель, Друз Агриппа Гор, Флавий, Эмпат с Поэтессой. Истерик и слез я не жду ни от кого. Даже объявленной тройкой я не сделала ничего, чтобы заслужить собственную прощальную церемонию, не говоря уже об остальном. Пророчество может быть и фальшивое, но как же сильно оно попадает в точку. Не справилась женщина с бременем Великой Идеи, мужчине придется ее искать.

– Остался только слепок?

– Да, посиди здесь немного, – просит Публий, вставая из-за стола, – я раствор подготовлю.

Возвращается с пластиковыми банками и тюбиками. Настоящая мастерская гримера, а не процедурный кабинет. Ванночки, кисточки, перчатки, салфетки. На банках безликие этикетки с кодами и короткими сокращениями сложных наименований. Капитан откручивает крышку, и я морщусь от резкого запаха. Никаких парфюмерных отдушек, только чистая химия.

– Придется потерпеть, – усмехается Публий, видя мою реакцию, – я не разведчик, возиться буду долго.

Окончательно убеждаюсь в том, что все самое интересное на планете сосредоточено в разведке. Чрезвычайно увлекательная военная специальность. Интересно, как Публий объяснял, зачем ему эти растворы, кремы и гели? Приуменьшает свои способности, умеет. Разрешает мне самой густо намазаться защитным кремом. Потом ловко прячет мою прическу под целлофан, обводит маркером линию роста волос, срезает лишний целлофан и фиксирует края специальным клеем. Теперь я, как манекен, гладкая и блестящая. Слой специального раствора тонкий, но когда он закрывает глаза, приклеивая ресницы к нижнему веку, становится по-настоящему жутко.

– Тише, – успокаивает Публий, гладя меня по плечу, – все потом легко снимется, а сейчас дыши носом, пожалуйста.

Вряд ли когда-нибудь еще раз соглашусь на подобное.

Хуже кошмара про болото. Не столько неприятно, сколько страшно, что так теперь и останется навсегда. Публий запечатывает мои губы, в последнюю очередь касаясь носа. Долго клеит что-то сверху ото лба до подбородка, отчего сохнущая маска становится тверже.

– Раствор должен застыть, – слышу голос капитана как будто из другой комнаты, – и пока ты молчишь, я скажу.

От дурных предчувствий в моей темноте еще неприятнее. Не жду ничего хорошего от тихого и задумчивого Публия.

– Я так же, как Наилий, живу с мудрецом и знаю ваши сложности. Почему-то у женщин они особенно яркие. Любая безумная идея становится обязательной для исполнения. Будь то пророчество или собственная фиктивная смерть.

Не объясню, если не понимает, и дело не в заклеенных губах. Нас не волнует быт, как ремесленников, не увлекает выстраивание отношений, как звезд. Не занимают всерьез и надолго даже самые сложные интриги. Мы с Поэтессой одинаково чувствуем, как больно давит на затылок потенциальный барьер – не сломать, не вырваться. Наши мужчины реализованы, а мы просто рядом.

– Вы так привыкли к одиночеству, что, заигравшись, перестаете замечать других цзы'дарийцев рядом с собой, – продолжает Публий. – Генерал согласился и это его выбор, но я полдня думаю, как поведу Поэтессу к твоему саркофагу. Что я скажу? А теперь еще и с отравлением, как причиной смерти. Самоубийство, Мотылек, после предсказания. И вы

обе молчите.

Публий уходит в сторону, и в моей бездне становится тихо. Слышно только как шумит климат-система, нагоняя в процедурный кабинет холод. Снова вижу себя в белом погребальном платье, но уже глазами Поэтессы. Сама толкнула на отчаянный шаг, разбила надежду стать тройкой, напророчила смерть. Даже если предала, наслушавшись Создателя, – это слишком. Сотой части не заслужила из того, что могла почувствовать. Несуществующие боги, какое же я чудовище!

Боль разливается по животу острым приступом тошноты, забываю, что не привязана к стулу и пружиной распрямляюсь. В темноте пальцы хватают пустоту. Всю жизнь хожу вот так, глаз никогда по-настоящему не открывала. Всегда вглубь себя смотрела и никогда по сторонам. Заклеенные веки не дают плакать, а носом дышать – воздуха не хватает. Один судорожный присвист. Делаю шаг и врезаюсь в препятствие.

– Сядь, пожалуйста, – просит Публий совсем близко над ухом, – слепок повредишь, заново делать придется.

Я слабею и подчиняюсь, усаживаясь обратно на сидение. Через полчаса Публий аккуратно снимает маску и выдает мне салфетки. Не спрашивает больше ничего, общаясь короткими словами-командами. Провожает до лифта и прощается учтивым кивком.

Мучаюсь угрызениями совести остаток дня и всю дорогу до особняка. Стыдно перед Поэтессой. Приезжаю уставшая,

разбитая и, едва поужинав, падаю в кресло в рабочем кабинете Наилия. Генерал сидит напротив за столом и не снимает гарнитуру с уха. Снова обсуждает ситуацию на Эридане, а у меня своя беда. Поверит Создатель с Агриппой в обман или нет, не столь важно. Главное, чтобы Мотылек исчез. Тогда пророчество исполнится и появится настоящая тройка. После церемонии Поэтесса не простит мне обмана, надо признаваться сразу или молчать до конца жизни. Но если пророчество фиктивное, то признавшись, я поставлю крест на спектакле. Поэтесса доложит Создателю и спровоцирует его на еще одну попытку уничтожить меня или вывести из игры любым другим способом. Как не крути ситуацию, а нужно идти до конца и молчать.

– Хорошо, держи меня в курсе. Отбой. – Наилий, наконец, откладывает гарнитуру и оборачивается ко мне: – Извини, весь день ушел на переговоры и это еще не конец.

– Проблемы?

– Да, – после колебаний признается генерал, – конфликт королевской династии с лиеннами превращается в партизанскую войну. Со всеми прелестями в виде террора, уничтожения связи и дорог, вбросами, дезинформацией. Король Таунд во всем обвиняет нас. Не добили противника, отпустили в леса, теперь не только мы несем потери, но и гражданское население гибнет. Группы лиеннов мелкие и шустрые, как комары, налетают, кусают и обратно. Из космоса массово не ударишь, территорию толком не зачистишь – эриданам

там еще жить, а ловить их по лесам с бронетехникой, как из пушки палить по воробьям. И, главное, я никак не могу понять, кто их поддерживает внутри планеты?

Выговорившись, Наилий замолкает. Расстегивает верхние липучки на форменной рубашке и закатывает рукава до локтей. Вместо комбинезона домашние штаны, но даже в них генерал умудряется выглядеть официально. Словно до сих пор в штабе.

– Через две недели у эридан военный совет, я должен быть там, – сообщает генерал, – если мы сейчас не разберемся с твоим пророчеством, то отложим вопрос до моего возвращения. А я не хочу оставлять тебя одну в такой обстановке.

Дает мне выбор, несмотря на то, что говорил Публию. Понимаю, что пока еще можно все перенести или отменить. Еще раз взвешиваю решение и говорю:

– Я попросила капитана Назо указать отравление причиной смерти. Несчастный случай или смертельная болезнь будут выглядеть слишком внезапно и неправдоподобно, а суицид для мудреца – почти норма. Тем более есть веский повод. Если я не становлюсь тройкой, то теряю смысл жизни.

Наилий думает, кусая губы. Привык, что смысл жизни женщины – быть рядом с мужчиной. Рожать детей и следить за домом. Да, мудрец исчезнет, а любовница генерала останется. Но пока у меня еще есть шанс реализоваться, я буду держаться за него изо всех сил.

– Суицид и должен быть внезапным и быстрым. На эмо-

циях, – поясняю я. – Через две недели острота пропадет, поэтому церемония нужна сейчас.

– Как скажешь, – сдержанно кивает генерал, – тело будет готово завтра. К вечеру я объявлю о твоей смерти.

Сколько не повторяй, а привыкнуть невозможно. Закрываю глаза и вытираю мокрые ладони о платье, а генерал не дает мне упиваться болью, возвращая из мыслей о вечном в реальность:

– Я долго думал, где тебя спрятать. Скажи, ты хочешь навестить Аттию?

Загораюсь от радости и тут же гасну. В секторе девятой армии я пропущу не только церемонию, но и все, что будет после нее. Жаль, нельзя самой стать бесплотным духом и кружить над головами мудрецов и правителей, пока они будут стоять возле моего саркофага.

– Наилий, я хочу остаться с тобой. Так я хотя бы по твоим рассказам буду знать, что происходит.

Генерал хмурится еще сильнее, а я не могу понять, что чувствует. Пытаюсь угадать, не пользуясь способностями мудреца. С любимым мужчиной хочется просто жить, а не перебирать привязки после каждой фразы. Бездна, как же это сложно!

– Есть и другой вариант, – холодно говорит Наилий, – виликусы.

Обидно, что я сама не догадалась. Вот кто своей незаметности подобен бесплотным духам. Тихие уборщики, молча-

ливые садовники – виликусы везде и никто не обращает на них внимания.

– Надену форму, на лицо приклею силиконовую маску…

– Не нужно силиконовую, – перебивает Наилий, – обычный подшлемник с прорезями для глаз. Такие маски много кто носит. По разным причинам. Например, спецгруппы службы безопасности. Засекреченные бойцы, кому даже дома запрещено показывать лицо. Я бы сделал тебя таким «спецом», но у них мощная подготовка, самозванца сразу вычислят. Рэм придумает другую легенду, чтобы обосновать маску на лице виликуса. А голос можно изменить медицинским препаратом. Выпьешь таблетку, вызывающую отек голосовых связок, и захрипишь. На несколько дней обмана такой маскировки хватит.

– Хорошая идея, – улыбаюсь я, – или тебя что-то смущает?

– Смущает. Тебе действительно придется работать виликусом и жить на втором этаже особняка.

Уборкой меня не испугать. Пока жила с матерью чистила, мыла и подметала дом с того момента, как себя помню.

– Я готова…

– Я не готов спать без тебя, – дергается генерал, хлопнув ладонью по столу. От громкого звука я вжимаюсь в спинку кресла и проглатываю окончание фразы. – Извини, – просит Наилий и трет пальцами глаза, – тяжелый день. Нарядим тебя виликусом. Так мы сможем видеться хотя бы изредка. Дэлия, ложись спать, а мне еще нужно сделать два звонка.

Генерал давит гнев, и я не успеваю его прочувствовать. Но, чтобы не было второй вспышки, Наилия сейчас лучше не беспокоить разговорами. Обсудили уже все, достаточно. Поднимаюсь из кресла и иду к нему, чтобы поцеловать. Сажусь на колени, чувствуя, как сильно взвинчен.

– Я буду ждать тебя в спальне, – тихо говорю и касаюсь его губ поцелуем.

Глупо бояться уснуть в разных кроватях, но именно это, похоже, мы сейчас оба чувствуем. Мне тоже холодно и неуютно без него на огромном ложе, но я должна привыкнуть. Еще будут командировки и мои поездки к Аттии, его учения, неожиданные сборы. Но главное в разлуках то, что они не вечны.

Глава 5. Умерла…

Утром Флавий рассказывает, что военный центр, где содержали мудрецов, закрыли, а единичек перевели в психиатрические клиники. Решаем разделиться на пары и ехать сегодня, но сталкиваемся с неожиданной проблемой. Личный автомобиль Флавию, как капитану, положен, но он ни разу не сидел за рулем. Лейтенанты точно так же, как рядовые, по сектору перемещаются на служебных машинах. Новоявленный капитан обязательно научится, но курсы вождения не проходят мгновенно, нужно время. Я водить тоже не умею, только летать на катере. Однако подарок Наилия одноместный и лежать на Эмпате или Флавии, как на генерале, нельзя. Я не объясню Его Превосходству, какая служебная необходимость заставила меня упасть в объятия другого мужчины. А Поэтесса просто не выдержит мой вес. Последний шанс не идти пешком – городской автобус.

Мудрецы сообща различат среди единичек потенциальных двоек, а капитана Прима мне нужно обучать. Анкеты все еще нет, но при личной беседе она и не нужна. Бывший либрарий рисует маршруты движения на карте, помечает остановки автобуса, распечатывает и отдает один лист мудрецам, а второй оставляет себе. Из штаба выходим вчетвером. Эмпат галантно подает Поэтессе руку и ведет ее к остановке.

Нам с Флавием нужно на другую.

Погода жаркая, плитка тротуара перегрета летними лучами светила, а на мне длинное серое платье и уже надоевший шарф. Не упасть бы в обморок от теплового удара. Горячий воздух колышется, окутывая маревом ноги вечно спешащих по своим делам горожан. Металлические заклепки на сумочках дарисс разбрызгивают блики по серому бетону зданий, а стаи живущих в городе птиц умудряются перекрикивать шум оживленной автострады. В пробках теряют терпение обдуваемые автомобильными кондиционерами офицеры и важные гражданские специалисты.

Автобус, к сожалению, не умеет летать над городом, как катер. Зато двухъярусное транспортное средство шириной в две полосы едет над автомобилями, пропуская их через себя, как через тоннель. Пассажиры сидят на втором ярусе, а устойчивость конструкции обеспечивает монорельс со стороны тротуара и ряды колес со стороны разделительной полосы. Инженеры утверждают, что он скользит над пробкой, а мне он напоминает гусеницу, проглатывающую машины и выпускающую их из хвоста.

Уже на платформе перед посадкой я вспоминаю про стоимость поездки.

– Флавий, – испуганно хватаю капитана за рукав форменного комбинезона, – я забыла спросить мудрецов, есть ли у них деньги на проезд.

Хоть мы больше не военная тайна и даже не пациенты пси-

хиатрической клиники, а возвращаемся к нормальной жизни долго. Наилий сделал мне счет в банке три дня назад, но кто позаботился об Эмпате с Поэтессой?

– Они им не нужны, – возражает Флавий, поддерживая под локоть, пока я захожу в автобус, – проезд давным-давно бесплатный.

Чувствую себя дурой, пока усаживаюсь на свободное кресло. Хорошо живет столица, ничего не скажешь.

– И насколько давно? Такое только в Равэнне?

– Третий цикл. Нет, во всем секторе, – отвечает капитан, вставая рядом со мной и держась за поручень, – вы забыли, дарисса?

– Я не знала.

Поднимаю глаза и натыкаюсь на удивленный взгляд Флавия. Смотрит на меня так, словно хочет спросить, как я себя чувствую? Не ударилась ли головой, раз не помню о таких простых вещах?

– Просидела взаперти шесть циклов и пропустила этот момент, – поясняю я.

Пациенты психиатрии не пользуются городским транспортом. Капитан понимает это и с гримасой боли трет лоб.

– Простите мою бестактность, Дэлия.

– Все хорошо, – останавливаю его, – не нужно извиняться. Скажите, а с чего вдруг такая щедрость? Муниципалитет внезапно разбогател?

Бывший либрарий расстроен, но отвечает ровно:

– Муниципалитету всегда средств не хватает. Плата за проезд низкая, и без хорошего финансирования автопарк пришел в упадок. Они собирались вовсе его закрыть, но тут вмешался генерал Лар. Дело в том, что рядовые и лейтенанты тоже пользуются городским транспортом. Если его не станет, то пятой армии все равно придется выделять дополнительные средства на проезд. Его Превосходство решил не изобретать ничего нового, а выкупить у муниципалитета автобусы. Просто перевести их с одного баланса на другой.

Благодарю за ответ и молча обдумываю услышанное. Странный поступок для правителя. Экономически нецелесообразный. Вкладывать средства в убыточную отрасль, да еще и от дохода отказываться, ради чего? Военные в городе бывают только в увольнительных и отпусках, а это несколько раз в год. Зато горожане до работы каждый день добираются бесплатно, и так во всем секторе. Не ожидала подобного от Наилия. Это что угодно, но только не жесткая диктатура.

Выходим из автобуса на окраине. У границы обширного жилого квартала за высоким забором прячется здание психиатрической клиники. Флавий невозмутимо печатает шаг по дорожке к воротам, а у меня слабость в ногах. Перед глазами белые тени с пустыми взглядами, медленно бредущие по парку на ежедневной прогулке. Всегда кто-то сидит на скамейке и качается, обняв колени руками. Стоит только расслабиться и забыться, как взвивается истеричный смех или плач. Да, я вырвалась отсюда. Но шизофрения – это на-

всегда. Если через несколько циклов станет хуже, встретят здесь как родную.

Охрана в будке безразлично скользит взглядом по документам Флавия и открывает доступ в первую зону: комната для посетителей и кабинеты врачей. Мы идем сразу к главному.

– Капитан Прим, дарисса, – приветствует нас хозяйка клиники.

Строгая дарисса в старомодном платье под белым халатом.

– Петрония, спасибо, что согласились нас принять, – благодарно кивает Флавий.

– Ну что вы, всегда рада помочь нашей армии, прошу.

Выбеленные стены до половины окрашены зеленой краской. Цвет должен успокаивать психику, но, когда вокруг только он, то, наоборот, раздражает неимоверно. Иду по узким коридорам и думаю, что технический прогресс обошел клинику стороной. Вся техника сосредоточена в ординаторской и кабинете главврача. А у пациентов только койки, тумбочки и голые стены. Психиатры считают, что большего не нужно. Главное – это покой и умиротворение после очередной дозы препаратов.

– По одному приводить или всех сразу посмотрите? – деловым тоном интересуется Петрония.

Ждет ответ с вежливой улыбкой, а мне кажется, что сейчас возьмет за локоть и вкрадчиво спросит: «Почему вы не

в палате, и что за странный наряд?

– Сразу всех, – поспешно отвечаю и борюсь с желанием спрятаться за спину Флавия.

– Тогда в общую комнату. Посторонних сейчас уберем, оставим только ваших.

С ума сходят не только мудрецы. У большинства местных пациентов диагнозы оправданы и не связаны со способностями. Но бывает, что за потенциальный барьер прорываются звезды или ремесленники, и разум оказывается слишком слаб, чтобы жить в двух мирах. Дело не в скрытой истине или запретных знаниях. Банальное ощущение себя не таким как все способно унести от реальности слишком далеко.

Санитары уводят их из общей комнаты по одному и парами, некоторые тянут к нам руки и блаженно улыбаются. Худые почти все, но не от жадности кухни. Не хотят пациенты есть. Забывают или впадают в кататонический ступор. Тогда их кормят насильно через зонд в пищеводе.

За спиной у нас кто-то громко хохочет и хлопает в ладоши. Флавий вздрагивает, но не оборачивается, только сильнее втягивает голову в плечи. Сам бледнеет и умолкает, усаживаясь в общей комнате за стол. Здесь семь пациентов в белой одежде. Мужчины и женщины.

– Пустые взгляды пусть вас не обманывают, – негромко начинаю рассказывать капитану, – здесь все подавляет и ввергает в депрессию. Спрашивайте, о чем думают, и внимательно слушайте. Двойки всегда начинают с главного и рас-

суждают о вечном. Устройстве Вселенной, общества, больницы. Их теории логичны и цельны, даже если кажутся бредовыми. Основное отличие от единичек – завершенность, результативность. Всегда есть что-то одно, где они чувствуют себя профессионалами, а единички распаляются сразу на все. Фрагментарными выглядят, поверхностными. Двойки же копают вглубь все дальше и упорнее.

Флавий достает планшет и делает пометки, привлекая внимание цзы'дарийца с водянистыми глазами. Лысого, но заросшего трехдневной щетиной. Пациент, не стесняясь, пересаживается ближе к нам.

– Единички чувствуют восторг от каждой новой мысли и спешат ею поделиться, – продолжаю я. – В то время как двойки молча обкатывают идею до вывода и стараются встроить в теорию или картину своего мира. Первые ищут, вторые изучают. Одни торопятся, а другим уже скучно, как художнику, рисующему десятую копию картины.

– А вам скучно, дарисса? – спрашивает небритый пациент.

Нечасто здесь бывают посетители, любой интересен. Особенно капитан в форменном комбинезоне. Как воспоминание, что когда-то единичек содержали в особом центре.

– Нет, потому что я не двойка, – включаюсь в беседу. Мужчина смотрит на меня так пристально, будто вспоминает. Действительно, мог видеть на первом этаже, пока я не переехала выше к Создателю и остальным.

– Тогда опишите это место, – просит пациент, – как можно

подробнее.

Планшет Флавия гаснет, уходя в спящий режим. Капитан откладывает его в сторону и сдвигается так, чтобы сидеть между мной и мудрецом. Следит не только за нами, но и за остальными пациентами. Неуютно ему здесь, опасность мерещится.

– Темно, холодно и мало воздуха. Здесь снятся кошмары о падающем на голову потолке и осколках битого стекла, – отвечаю я и углубляюсь в подробности, как просил.

Прохожу тест на открытость, доставая свое отчаянье и бессилие. Жаль, не умею в стихах, как Поэтесса.

– Достаточно, – улыбается пациент, – я так и думал. А теперь расскажите, как вы перескочили на новую линию жизни, мысленно оставаясь на старой?

Чувствую себя рыбаком, увидевшим, как поплавок дернулся и ушел под воду. Хотя мудрец уверен, что это я заглотила его наживку. Спрашиваю то, что он хочет услышать:

– О какой линии жизни идет речь?

– О траектории движения через информационную структуру, называемую пространством вариантов, – с наслаждением излагает пациент, дорвавшись до благодарных слушателей. – В нем записано все, что когда-то было, есть и будет. Одна большая черная Вселенная и наша жизнь на ней, как пятно света от фонарика. Какой вариант подсвечивается, такой и реализуется. Каждый, как спектакль с актерами и декорациями. Близкие по сценарию варианты выстраиваются

в линию жизни.

Слушаю и киваю. Теория цельная и уже адаптированная, судя по тому, как красиво и метафорично он делает вступление в простых и понятных образах, а потом переходит к сути, сам отвечая на свой вопрос про линию жизни.

– Мыслями и реакциями вы все еще в этих стенах. Заперты, ограничены и потеряны для всех. Вас насильно выдернули и заставили жить по-другому.

Догадался, узнал и, видя, как сижу рядом с капитаном, сделал верные выводы. Блестяще.

– Но ничего искусственного не приживается, – продолжает мудрец. – По-настоящему выбрать другую судьбу можно только самостоятельно. Иначе вы просто вернетесь обратно.

Дергаюсь возразить, что каждый свой выбор делаю сама, но останавливаюсь. Свобода выбора – одна из величайших иллюзий и мощнейший инструмент манипуляций. Нами управляют привязки, чувство долга, вкусовые предпочтения, воспитание. От них, на самом деле, зависит выбор, а не от наших истинных желаний. И, кажется, передо мной мастер в этой области. Достаю из кармана платья планшет и набираю Флавию сообщение: «Двойка, забираем». А мысленно называю мудреца Избирателем.

– Обратно я уже не вернусь, – улыбаюсь ему, – а вам здесь не надоело?

– Я думаю, вы понимаете, что надоело и насколько сильно.

Мудрец закатывает глаза и нервно ерзает на стуле. Я бы

рада забрать его прямо сейчас, но есть бюрократические формальности. Благодарю за беседу и оборачиваюсь к Флавию.

«С другими общаемся?» – приходит на планшет вопрос от капитана.

«Да, разделимся».

Разговариваем до середины дня. Двоих отпускаем сразу. Накачены успокоительным, и на нас почти не реагируют, остальные не могут связать обрывки мыслей в единую картину. Способностей ни у кого нет, иначе бы их давно в двойки перевели без моего вмешательства. И теорий таких, как у Избирателя, тоже нет. Типичные единички, жаль. Флавий договаривается с главным врачом о присвоении новой двойке особого статуса и запускает согласования, а я, наплевав на приличия, тяну его за рукав прочь отсюда. Не могу больше. Уже на улице вдыхаю перегретый летний воздух и чувствую, как уходит озноб.

– Флавий, мне нужно с вами поговорить. Сядем на скамейку?

Пациентов позвали на обед, мы одни на территории. Светило над головой заслоняет крона магнолии, окутывая нас цветочным ароматом. Ветер играет листвой, перебирает белые лепестки цветов. Капитан держит спину и ждет, а я только сейчас понимаю, сколько раз завтра Наилий будет рассказывать о моей смерти.

– Я должна исчезнуть, чтобы сбылось пророчество По-

этессы, и в секторе появилась тройка. Это мужчина. Дальше вы будете работать с ним, а пока придется искать двоек самостоятельно, – говорю и понимаю, что ничего не чувствую. Решение принято, метания исключены. – Завтра вас пригласят на фиктивную церемонию погребения, я буду где-то рядом в рабочем костюме виликуса и маске. Не знаю, как долго буду прятаться. Если нужна будет моя помощь с мудрецами – спрашивайте, но, пожалуйста, не выдавайте меня.

Флавий уже привык к мудрецам, но не настолько. От новости у бывшего либрария дергается глаз, а уголки губ опускаются вниз. Представляю, что хочет сказать много неприятного о придуманном спектакле. Со стороны он должен казаться бредовым до смирительной рубашки, но капитан шумно вздыхает и отвечает:

– Я умею хранить тайны, дарисса, но не умею видеть и слышать то же, что и вы. Кого бы потом не назначили тройкой, а мудрецы заслуживают, чтобы их нашли всех. Вы их чувствуете с полувздоха, с неоконченной фразы. Поможете мне?

Привязки тянутся ниточками, переплетая крепко. Желтые, фиолетовые, мощные и бледные, но ни один сложный рисунок не объяснит простого ощущения одного общего дела. Оно теплым шерстяным одеялом ложится на плечи. Я нужна даже мертвая.

– Конечно, – заставляю себя улыбнуться, – надеюсь, мои анкеты будут полезны.

Флавий хочет ответить, но в кармане комбинезона пронзительно пищит гарнитура. Капитан вешает ее на ухо и говорит:

– Слушаю. Создатель. Появился у нее номер, могу перевести звонок.

Мудрец все так же звонит либрарию, когда хочет со мной поговорить. Я сбежала из четвертого сектора, не попрощавшись, и потом обида мешала самой позвонить. Но капитан не знает об этом. Стучит пальцами по экрану планшета, и я вешаю на ухо свою гарнитуру.

– Свет мой, – Создатель весел, бодр и почти счастлив, – я знаю, ты дуешь губы, но ругаться со мной бесполезно.

Вообще-то мы не ссорились. Я сбежала от Агриппы, а не от него. С точки зрения мудреца-двойки глупый и недальновидный шаг. Ничего плохого Друз со мной не делал, а его симпатию можно было превратить в инструмент контроля. Озвученная генералом цель спектакля с видеосъемкой – оставить меня в секторе. Метод не красивый, а суть понятна. Но я не захотела становится тройкой и забираться на вершину горы, настолько сильно извозившись в грязи по дороге. И теперь Создателю нужны интриги и ложные предсказания, чтобы выкрутиться из сложившейся ситуации.

– Я не ругаюсь с тобой, – выдыхаю в гарнитуру и горжусь ровным тоном голоса, – хочешь что-то сказать?

– Скорее признаться, – торжественно сообщает он. – Долго за собой наблюдал, не верил, подозревал в мании величия,

но сегодня сомнения развеялись. Я – тройка.

Невероятно! Кто бы мог подумать? Начни он с этой мысли сразу, и не было бы фарса на Совете генералов. Умеют мудрецы усложнять жизнь себе и окружающим.

– Поздравляю. А как ты догадался? – проглатываю сарказм и складываю руки на груди, настраиваясь на долгую беседу.

Флавий рядом открывает таблицы на планшете. Пока день в разгаре, любую минуту тратит на работу.

– Как двойка я себя исчерпал, – с оттенком гордости рассказывает Создатель. – Сформулировал теорию социогенеза вместе с практикой ее применения и даже потратил много сил и времени на внедрение, но харизмы не хватило. Не удалось заразить теорией не только население планеты, но и правителей.

Именно правителей. До населения дело так и не дошло, если не считать двух выступлений в вечернем выпуске новостей. А стоило один раз ошибиться с определением тройки и не предоставить в короткий срок Великую Идею, как интерес генералов угас. Им неважно, кто из нас выше, а кто ниже – результат нужен.

– Настал черед вплотную приблизиться к барьеру, отделяющему Бытие от Небытия, – продолжает мудрец. – И чем глубже я ныряю в Небытие, тем интереснее мне там становится.

– Ты говоришь о мире духов? – переспрашиваю я.

– Нет, свет мой, – с оттенком снисходительности отвечает Создатель. – Мир духов, мертвых, внутренняя Вселенная, изнанка, как ни назови – тоже Бытие. Я же говорю про полную его противоположность. Когда умираешь окончательно, и твой дух не просто прекращает перерождаться, а перестает существовать. Навсегда.

Звучит еще ужаснее обычной смерти, мне холодно и неуютно.

– Зачем тебе это?

– Ты не поймешь без разъяснений, – радостно отвечает Создатель. – Мне еще нужно все обдумать и структурировать, но я почти уверен, что нашел Великую Идею.

– Небытие? – выдыхаю, и от шока пространство вокруг меня сжимается в точку, вибрирующую голосом в гарнитуре:

– Добровольный уход в Небытие.

Не могу осознать услышанное. Принять, одобрить и примерить на существующий мир. Планету с миллиардами цзы'дарийцев, другие планеты с разумными расами. Да, мы убиваем друг друга, впустую тратим бесценный дар жизни, но отказаться? Добровольно?

– Ты серьезно?

– Да. Знаю, что сложно понять, но конечный вывод любой теории или идеи всегда звучит, как бред. Только с пояснением становится откровением.

– Даже с обоснованием это немыслимо, – завожусь и повышаю голос, – ты видишь очередь из желающих перейти в

Небытие? Что даст такая идея?

Создатель тихо смеется. Как раньше в центре, когда задавал вопрос, а я не могла ответить, перебирая вариант за вариантом и уходя от единственно верного все дальше и дальше.

– Свет мой, я бы позвал тебя в сектор посидеть на кухне с яичницей и травяным отваром, но ты не поедешь. Мне жаль, что все закончилось так быстро. Ты стала бы хорошей помощницей, а в будущем – преемницей. Единственной, идеально подходящей на эту роль, но я справился сам. Не огорчайся, ты еще можешь реализоваться как женщина, хозяйка, мать.

Снимаю гарнитуру и выключаю. Услышала достаточно. Наплевать хочется на то, кто настоящая тройка. Великая Идея добровольного ухода в Небытие пугает до обморочного состояния. Эмоциональный выброс душит и не дает думать. Пережидаю вспышку и вижу, во что превратила край шарфа, раздирая ткань ногтями.

– Дэлия? – голос Флавия звучит из пустоты. Словно с другой стороны потенциального барьера.

Если не думать о каждой конкретной жизни: моей, Наилия, Создателя, Публия, Поэтессы, Флавия, то вспоминается теория расширения и сжатия Вселенной. От вдоха, в котором мы существуем, до выдоха в точку. В то самое Небытие. Механизм существует, зачем его ускорять?

– Дэлия!

Чувствую руку Флавия у себя на плече, слышу шум листвы цветущей магнолии. Скамейка давит на спину, а ноги покалывает от долгого сидения в неподвижности.

– Да, сейчас, – бормочу под нос, – один звонок.

Дужка гарнитуры на ухе и голос Наилия:

– Слушаю.

– Ты уже объявил о моей смерти?

– Еще нет.

Я жива, пророчество не исполнилось, а тройка есть. Одновременно Создатель и Поэтесса не могут быть правы, лгут либо оба, либо кто-то один. Если верить еще не сбывшемуся пророчеству, то слова Создателя – чушь. Это просто, понятно и объяснимо. Устраиваем церемонию и ждем настоящую тройку. Если предсказание лживо, тогда зачем оно вообще было нужно? Найденная Великая Идея автоматически устраняет всех претендентов на звание тройки кроме одного. Тогда действия мудрецов теряют логику, а в это не верится. Если лгут оба, то происходящее окончательно превращается в бессмыслицу.

– Дэлия, мы все отменяем? – спрашивает генерал.

Умереть еще раз, уничтожить наладившуюся жизнь ради идеи, которую уже сформулировали без моего участия. Кому нужна такая жертва? Шрамы от когтей филина долго напоминали о предыдущей. И вот я иду по второму кругу.

– Нет, давай сделаем это, – прошу Наилия, чувствуя, как сел голос. – Я больше не хочу быть мудрецом. Мотылек ис-

чезнет вместе со своим диагнозом и запретом рожать детей. Без шизофрении я обычная женщина.

Жалею, что не вижу генерала, не чувствую эмоций и не могу заглянуть в привязки. В тишине только стук моего сердца, эхом отражающийся пульсацией в висках.

– Хорошо, – устало отвечает Наилий, – тело из медцентра уже доставили. За тобой я отправил машину. Приезжай домой и переодевайся. Больше ты не мудрец.

Глава 6. …и воскресла

Машина затемно привозит в особняк к запасному выходу. Наилий ждет, сидя на верхней ступеньке узкого крыльца, а на гравийной дорожке возле цветастой клумбы в черном комбинезоне и таком же черном настроении стоит майор Рэм. Лысый стервятник осматривает меня с ног до головы и презрительно кривится.

– Бред, – коротко говорит вместо приветствия и отворачивается.

Генерал поднимается, цепляясь за перила лестницы. Макушкой задевает точечный светильник в козырьке. Освещение рисует рваные тени на лице полководца. Мрачен и сосредоточен, как никогда.

– Дэлия, скоро приедет либитинарий вместе с толпой специалистов, чтобы организовать церемонию. Прятаться надо уже сейчас, – Наилий говорит глухо, словно на нем медицинская маска или траурная вуаль. – Я увижу тебя только завтра. Не знаю, сможем ли поговорить. Иди с Рэмом. Он покажет тебе второй этаж и комнаты виликусов.

Генерал обнимает и целует в висок. Прижимаюсь к нему, закрыв глаза. Вдыхаю фантомный аромат эдельвейса, настраиваюсь, пропуская через себя эмоции, и не чувствую ничего, кроме хрупкой корки льда под пальцами. Глухая обо-

рона. Неприступный бастион выдержки и терпения.

– Хорошо…

Не успеваю ничего сказать, Наилий делает шаг в сторону и молча обходит меня. Камни хрустят под подошвами форменных ботинок генерала, удаляясь от меня тревожным шепотом. Мертва, забыта, потеряна. Исчезла. Мотылек разбивает стекло фонаря и влетает в пламя. Вспышка осознания отдает болью в затылке. Больше не мудрец.

– Как мне называть тебя, новый виликус? – ехидно спрашивает Рэм.

– С вежливыми обращениями покончено?

Стервятник скалится, закладывая руки за спину и обдавая жарким дыханием на выдохе:

– Между нами по статусу два офицерских звания. Захочу, буду называть тумбочкой или табуретом. И чем быстрее ты привыкнешь, дарисса, тем легче будет. Имя!

Как раз сейчас ничего не придумывается. Дэлия, Децим? Только не Децим! Тулий или Квинт, а, может быть, Сервий?

– Тиберий, – выпаливаю то, что стучится в сознание и цепляется за него изо всех сил.

Рэм хмыкает, молча открывает дверь и уходит в полумрак дежурного освещения. Шагаю за майором и запинаюсь об мешок на полу.

– Переодевайся, Тиберий. Свою одежду с планшетом и гарнитурой клади в мешок. Рядовому такие девайсы не положены.

Мне теперь много чего не положено. Пререкаться со старшим по званию, выбирать, что носить и где спать. Снимаю платье через голову и начальник службы безопасности запоздало, но отворачивается. Меня обида на Наилия гложет. Рэм – последний цзы'дариец, которого я хотела посвящать в тайну своей смерти.

– Тьер! Бездна знает что! – возмущенно пыхтит стервятник. – Кого мы хотим обмануть дешевым маскарадом?

Забираюсь в черный рабочий комбинезон и застегиваю молнию. Одежда висит на мне, как на вешалке. То ли с размером ошиблись, то ли все виликусы так ходят, шаркая штанинами и рукавами. Мешок с моим платьем Рэм отбирает и кивает за спину. Иду.

– Маску надень, – ворчит майор, – и запоминай легенду, Тиберий. Служил ты в звезде дозорных лейтенанта Демиса Гракха три дня сразу после училища. Забросили вас на алый планетоид Дельта-Гамма в системе Мангуста. По заданию ты охранял ученых, изучающих редкие формы жизни в естественной среде обитания. Говорили тебе, идиоту, не отходить дальше защитного периметра, но тебе, стоя на посту, приспичило отлить. И ты, гнарошева задница, зашел за камень. Постеснялся. Там тебе гейзер между ног и вдарил. И все, плачьте дариссы, пишите письма в медотсек мелким шрифтом. Ожоги восьмидесяти процентов тела, бесконечные пересадки кожи и полная импотенция.

С каким удовольствием майор рассказывает. Сам сочи-

нял, не иначе. Темный коридор заканчивается лестничной клеткой, вместо отделки кругом едва оштукатуренный бетон и серо-синяя краска на стенах. Внутренняя часть особняка, не предназначенная для глаз любовницы генерала. Поднимаемся на второй этаж, и я по пути отсчитываю безликие двери, чтобы не запутаться. Табличек, номеров или хотя бы рисунков на них нет. Как местные ориентируются?

– А теперь серьезно, – говорит лысый стервятник. – В настоящей легенде ты – важный свидетель преступления и строго засекречен. Это полностью объясняет специальную маску даже на лице виликуса. Мы часто так прячем бойцов, ничего удивительного в твоем внезапном появлении в особняке нет. Таких, как ты, мотает по разным подразделениям на низших должностях. Официально все рядовые, а на деле могут оказаться хоть лейтенантами, хоть капитанами. Был связистом, стал медиком, был разведчиком, стал виликусом и так далее. Держи таблетки для смены голоса. При мне глотай. Вот так. Одной дозы хватает на сутки, завтра повторишь прием. Не отлынивай. Начнешь говорить своим голосом, накажу. Теперь дальше. Жить будешь в одной комнате с Труром. Он хоть и рядовой, но у виликусов главный. К командиру обращаться только на вы и с максимальным уважением. Это понятно, Тиберий?

– Так точно, майор Рэм.

Стервятника снова перекашивает судорогой, он смачно ругается сквозь зубы, а потом останавливается у пятнадца-

той по счету двери.

– Плевать я хотел, как ты справишься с круглосуточным ношением маски. Спать будешь на верхней койке, ходить в общий туалет. Перенаселен этаж, укомплектован штат в особняке даже сверх нормы. Флавий капитана получил, а не переехал. Некуда. Зато новый либрарий явился. Лейтенант, отдельную комнату нужно. Отказал я ему, к рядовым поселил. А тебя, генеральскую…

Рэм подавился последним словом, а меня дернуло. Звание майора не дает ему право меня оскорблять.

– Любовницу? Подстилку?

– Женщину, – рычит начальник службы безопасности, – тоже в отдельную? Обойдешься. Свободен. Через полчаса отбой.

Разворачивается и уходит, гулко печатая шаг по пустому коридору. Я только сейчас замечаю, как тихо вокруг. Будто все вымерли и этаж заброшен. Толкаю рукой дверь – никого. Узкое окно, закрытое рулонной шторой, двухъярусная кровать с колючим шерстяным покрывалом, тумбочка, рабочий стол и стул. Аскетично, практично, функционально и безлико. Как во всем особняке, как в каждом здании пятой армии. Как во взгляде и голосе Наилия сегодня вечером.

– Кхм, – слышу за спиной и оборачиваюсь, – как звать-то?

– Тиберий, – хриплю специально, таблетки еще не успели подействовать.

– Меня Трур.

Голос синтезирован, я уверена. Интонаций нет, слышится посторонний шум металла. У Трура над ухом имплантирован слуховой аппарат, а вместо ног протезы. Виликусами идут служить по разным причинам. Не обязательно быть инвалидом, достаточно захотеть мыть пол в особняке генерала и стричь газон на лужайке внутреннего двора. Многие считают престижным оказаться рядом с хозяином сектора. Если не офицером, то хотя бы так.

– Ночью можешь снять маску, – предлагает Трур. – Я знаю про секретность, но с нижнего яруса да в темноте твое лицо точно не разгляжу. Не мучайся зря. Я понимаю, как в ней жарко и тяжело.

– Спасибо, но нет.

Не хочу рисковать. Не привыкла еще к новому образу. Утром проснусь без маски, да так и пойду умываться, обо всем забыв. Скандал будет фантастический.

– Ладно, – кивает Трур, – тогда ляжешь спать, хлопни два раза в ладоши, свет выключится.

Тянет за молнию и выбирается из комбинезона, оставшись в одном белье. Тело чистое, шрамов нет. Сильный, красивый мужчина. Заставляю себя отвернуться от протезов. Левый до колена, а правый выше. Черные, металлические, бесшумные. Поднимаюсь по лестнице на второй ярус и ложусь спать не только в маске, но и в комбинезоне из страха, что утром Трур проснется раньше меня и увидит обман. Завтра все будет обманом – и моя смерть, и моя жизнь.

Площадка для посадки катера на одной из крыш Равэнны. Город плещется внизу приливами и отливами автомобилей, поблескивает фарами и утробно урчит. Еще немного и сыто облизнется. Ветер дует в спину, оборачиваюсь на шепот:.

– Ме…ди…ум

Он стоит передо мной в черном военном комбинезоне и молчит, даже не улыбается.

– Кто ты?

Делаю шаг и слышу хруст мелкого гравия под ногами. На мне ботинки и комбинезон. Выше. Белый ремень и бластер с военным посохом. Еще выше. Поворачиваю голову. Погоны расплываются золотом. Не вижу, сколько полос.

– Кто я?

Снова молчит, будто рот зашили или приказали. Рядом второй. Выше и сильнее, шире в плечах. Волосы длинные падают на глаза, и этот второй все время облизывается.

– Кто ты?

Теряю терпение и топаю со злости ногой. К хрусту примешивается стрекот. Оглядываюсь – жуки. Черные, блестящие, копошатся подо мной. Раздавила несколько – желтым и белым торчат наружу. Чешуйки подхватывает ветер и уносит с площадки.

Еще есть третий. Маленький и веснушчатый настолько, что на лице нет места. Сплошной солнечный ожог через мелкое сито. Уже не спрашиваю, просто жду. Четвертый,

пятый, шестой.

– Все?

Кивают синхронно, значит, слышат меня и понимают команды. Только будут ли подчиняться?

– Будем.

Шесть голосов рождают ступенчатое эхо.

– Кто я, говорите!

Срываюсь в крик и хожу от одного к другому, раздавливая жуков, вглядываясь в холодные бесстрастные лица. Молчат, только сильнее вытягиваются струной.

– Хорошо, я сама придумаю вам имена.

– Уже, – отзывается первый. – Юрао.

– Лех, – говорит второй.

– Инсум, – шепчет третий.

Ветер уносит имена вихрем сломанных крыльев мотыльков.

– Тиберий, подъем!

Резко открываю глаза и вижу темный потолок. Тихо в комнате, даже дыхания не слышно, хотя внизу спит Трур. Жарко в комбинезоне, тело от перегрева будто ватой обложили. Слабость прочно поселилась в мышцах. Расстегиваю молнию и поднимаю черную маску на лоб. Лицо чешется, скребу ногтями с наслаждением. Сколько так выдержу? И что это был за кошмар странный?

«Юрао, ты здесь? – чувствую мысленный ответ далеким

шепотом. Таким же, как эхо от шести призрачных голосов. – Ты там один?»

«Нет».

Снова кажется, что голосов стало больше. Беда. Обострение? То самое, которым пугал психиатр. Доигралась без таблеток. Способности не хотела блокировать.

«Неужели, правда, шестеро?»

«Говорить могут только трое».

Почему молчат остальные, не спрашиваю. Жутко так, что не до этого. Комната качается и подергивается дымкой. Может быть, я до сих пор сплю? Бывает же продолжение сна. Щипать себя за руку лень. И так понимаю, что наяву.

«Откуда вы взялись?»

«Звала нас, и мы пришли».

Врут. Не звала я, не помню такого. Или не чувствую и не понимаю. Даже голос Юрао от собственных мыслей иногда отличить трудно, а если голосов больше, чем один? И как долго так было?

«Почему сейчас заговорили?»

«Ты изменилась».

И снова не понимаю, кто отвечает: Юрао, Лех или Инсум?

«Лех старший среди нас. Он не будет говорить с тобой. Юрао выбрали».

Накрываю лицо подушкой, чтобы не слышать собственный стон. Теперь только Аттия может сказать, сошла ли я с ума окончательно. Матушка видит всех духов, Юрао даже

слышала. Не знаю, что лучше – паника или истерика? Мечусь между ними и слышу снизу скрип.

– Тиберий, ты проснулся? – спрашивает виликус.

– Да.

– На выход тогда. Умываться, пока все спят.

Здравая мысль, но быстро успокоиться все равно не получается. Дышу мелкими глотками и переваливаюсь через край койки на лестницу. Пока нащупываю ногой перекладину, виликус успевает одеться и обуться.

– Вы куда? – спрашиваю, радуясь, что таблетки, наконец, изменили голос.

– Ты куда, – поправляет Трур. – С тобой.

Икаю от испуга, вцепившись в лестницу.

– Проконтролировать, – непреклонно заявляет старший виликус, толкая дверь рукой, – ну и показать заодно, где у нас общий душ.

Коридор будто психиатрическая клиника ночью. Та же вязкая тишина и пустота. Прямые переходы с четким ритмом дверей одинаковы в любом месте. Не важно, чем окрашены стены, какие висят светильники – просто тоннель, несущий вперед, как вагонетку под уклон. Иду, не чувствуя шагов, тянусь за силуэтом виликуса. Общий душ третий от лестницы. Внутри светло и пахнет самодельным мылом. Вдоль левой стены ряд умывальников с зеркалами, вдоль правой – душевые кабины. Отделано помещение прохладным голубым мрамором. Краны, ручки, держатели для по-

лотенец – хромированные. Сами полотенца белоснежные, на каждом глиф с именем. Личные, подписанные. Трур запускает меня и встает в проем двери.

– Мойся, я не обернусь.

Зубы чищу, размазывая пасту пальцем по деснам. Плещу в лицо холодной водой и отфыркиваюсь. Распаренная под маской кожа успокаивается. Хороший выход с ранним подъемом. Вечером умываться тоже буду после команды отбой.

– Сколько циклов отсчитал с рождения?

Синтезированный голос скрипит, и виликус трогает черную блямбу импланта над правым виском. Главное сейчас – не ошибиться. Рядовые оканчивают училище на восемнадцатом цикле, лейтенанты позже на пять циклов. Рэм пошутил насчет ожогов и импотенции, но остальной части легенды, как я понимаю, нужно придерживаться:

– Восемнадцать.

– Мелочь пузатая, – заявляет виликус уже гораздо чище и тембром голоса выше. Отрегулировал. – Теперь понятно, почему правильный такой. Временами до дурости.

Обижаюсь на «пузатую мелочь», но молчу. Конечно, до дурости. Так боюсь разоблачения, что сплю в одежде. Скатываю маску обратно до подбородка и шагаю к выходу.

– Подожди меня, – просит Трур, – в смену все равно вместе заступаем.

Пока он находит свое полотенце и вешает его на плечи, я сажусь на стул. В сон тянет, не привыкла вставать так рано.

Наилий всегда жалел и не будил, а в закрытом центре подъем был гораздо позже. Темно за окном и тихо, даже птицы еще не проснулись. Голову клонит, закрываю глаза и качаюсь вперед. Скверно, нельзя засыпать. Чешу бровь через маску и пластыри на сведенных шрамах. Перевязку нужно скоро делать, а я не знаю как. К местному врачу попроситься на прием? Бездна бы взяла майора Рэма с его сарказмом! Вот здесь бы легенда с гейзером между ног пришлась к месту. При ожогах тоже показаны пересадки кожи. Но там вроде бы восемьдесят процентов тела, а у меня кисти руки чистые. Они должны быть обожжены или нет? Ох, все равно нужен Публий, не получится ничего другого придумать.

– Сидишь, как горные, – замечает виликус, а я вздрагиваю и оглядываюсь.

Проклятье, нахваталась от Наилия! «Горные» везде сидят, поджав под себя ноги. Даже на стульях. Думать о шестерых духах некогда. По лезвию ножа хожу с этой маскировкой. Сейчас придется объяснять, почему так сижу. Или придумывать, где видела горных. В легенде о детстве Тиберия ни слова не было. Что ж, Рэм сам виноват, что не сообщил подробностей. Теперь я буду сочинять, а он пусть подстраивается. Извините, Ваше Стервятничество, безвыходная ситуация.

– Из девятой армии я, – отчаянно вру Труру. – Горный интернат.

Виликус растирает густую мыльную пену по щекам и бе-

рется за станок.

– Интересно, – тянет он и без интонаций искусственного голоса это слышится странно, – там провалы были по наборам, закрыть их до сих пор пытаются. Восемнадцать циклов, говоришь? Уж не самого ли мастера выпускник?

Иногда удача и меня ласково целует в макушку. Хотя виликус мог и ловить на лжи таким образом. Придется рисковать:

– Его самого.

Трур ведет бритвой по шее снизу вверх, оставляя дорожку гладко выбритой кожи. Одно из тех занятий, которое я никогда не смогу сымитировать, притворяясь мужчиной.

– Как он там поживает? По-прежнему невыносим?

– А как же, – хрипло отвечаю я. – Зверствует на тренировках, жжет свои сандаловые палочки и сушит карамель в бумажном пакете.

Виликус хохочет, резко убрав бритву от горла. Смех гортанный, раскатистый, синтезатор речи гудит на пиковых уровнях громкости

– Помню, как резал ту карамель, – рассказывает Трур, прополаскивая станок под струей воды. – Бруски должны быть совершенно одинаковыми. Чуть ножом вильнешь, и мастер возвращает переделывать. Я неделю питался бракованной карамелью, пока не научился резать ее идеально.

Вполне в духе грозного начальника интерната. Улыбаюсь под маской и спрашиваю:

– А ты давно выпустился?

– Тридцать семь циклов назад, – отвечает виликус. Глаза округляю от удивления и слышу новый взрыв смеха. – Да, я так же стар, как наш генерал. Можешь не считать в уме, тренировались мы вместе.

Выросли в одном интернате, Трур – виликус на протезах и с имплантами, а Наилий с Марком стали генералами. Чудны твои игры, Вселенная. От тяжелой мысли опускаются плечи, с усилием цепляю улыбку на лицо и бодро спрашиваю, играя восторженного мальчишку:

– Здорово, наверное, есть что вспомнить. Никто вот так с генералом близко…

– Да уж, – усмехается Трур, – но пересекались мы редко. На седьмом цикле меня привезли в интернат, а Наилий уже там был с рождения. Вся его группа тренировалась отдельно. Генетические эксперименты, идеальные солдаты. В свои восемь они умели то, что нам и не снилось. Окрестные горы излазили вдоль и поперек. Нычки у них там были, схроны с полезной и запрещенной всячиной из деревни. Мы завидовали и надеялись, что догоним их в мастерстве хотя бы к выпуску, но нет. Лабораторные мальчики так и остались недосягаемыми вершинами.

– Понимаю, – вздыхаю я, хотя никогда не смогу понять. Не росла в интернате, чужую жизнь на себя примерила, – у меня дома плакат висит с фотографией Его Превосходства. Смотрел на него каждый день. Думал, что вырасту и стану

таким же.

– Вырастешь еще, – ободряюще кивает виликус, – только дурь из башки выветрится. Много ее там.

Еще бы. Целый психиатрический диагноз и шесть духов. До инсценировки собственной смерти додумалась, а теперь заперта внутри рабочего комбинезона, и придется мне всю погребальную церемонию мыть, чистить и стирать. Не отпустит меня Трур, не позволит лентяйничать. Виликус выключает воду и вытирается полотенцем.

– Пойдем, суматошный день сегодня будет. Успеть нужно вылизать особняк к приходу гостей.

– А что случилось? – тщательно изображаю удивление.

– Женщина у генерала умерла, – сухим тоном синтезированного голоса отвечает Трур, – говорят, что отравилась. Молодая совсем, еще жить да жить, зачем? Шептались, что с головой не все в порядке было, но теперь-то что? Саркофаг и белое платье. Кому лучше сделала?

Смотрит на меня, а я отворачиваюсь. Будто уже сижу с ним без маскировки и слушаю упреки. Да, это я все придумала ради пророчества и новой тройки. И мне мучительно необходимо присутствовать на собственных похоронах. Что ж, придется еще немного расширить легенду.

– Тиберий? – трогает за плечо виликус.

– Знал я ее, – сочиняю на ходу, словно снимая информацию из-за потенциального барьера, как умеют делать Поэтесса и Маятник, – меня мать специально в горный интернат

отдала, а до этого я на равнине жил. По соседству с Вестой. – Называю свое самое первое имя, ныряя в темные воды похороненных воспоминаний. Трур замирает рядом со мной, склонив голову на бок. – Дружили мы, часто играли вместе. Она мне письма в интернат писала, все приехать обещала, да бедно они жили. Мать ее так и не отпустила. А на пятнадцатом цикле письма приходить перестали. Я почти в любви признался, а она забыла про меня.

Хлюпаю носом, входя в роль, и чувствую, как несет в творческом порыве. Мне бы книги писать, а не анкеты для классификации цзы'дарийцев составлять.

– И я думал, что забыл, пока не увидел ее в телевизионной панели на балу с генералом. Уже здесь, на равнине, когда под маской оказался. Чуть не бросился в особняк, чтобы найти ее, дурак, но вовремя остановился. Куда мне с секретностью? А потом сообщили, что в виликусы переводят. Я чуть с ума от счастья не сошел. Поговорить нельзя, но думал, что хотя бы посмотрю на неё издали. Прибыл в особняк, а она…

Давлю из себя слезу и кладу пальцы щепоткой на переносицу.

– Бездна, – тихо шипит помехами Трур, – бывает же так.

– Я теперь даже попрощаться не смогу.

Смотрю на него со слезами на глазах, может, дрогнет сердце и отпустит на сегодня? А завтра я все отработаю. Виликус думает и молчит. Долго, у меня уже ноги начинают болеть,

и я ставлю их на пол.

– Саркофаг днем в атриуме стоять будет, можно поменяться с Сентием и дежурить там, но если будет толпа, ты близко не подойдешь.

Вздыхаю и киваю на каждое слово, а Трур продолжает размышлять вслух:

– Мы рано проснулись, Его Превосходство в штаб точно не поедет, значит, на тренировке сейчас. Саркофаг на третьем этаже, я знаю где, идем.

Хватает меня за предплечье и тянет, не давая возразить. Ныряет в полумрак коридора и подгоняет: «Быстрее, быстрее!» Несуществующие боги, это совсем не то, что я хотела! Зачем мне смотреть на загримированный труп, я в атриуме должна сидеть среди гостей! Но остановить Трура не легче, чем поймать сачком пролетающую мимо пулю.

Глава 7. Похоронная церемония

Бегу по лестнице на третий этаж. В рассветных сумерках выцвели все краски, и застывшие комнаты теперь как черно-белые фотоснимки. Ковролин глушит шаги, черный силуэт Трура впереди застилает свет. Не сразу понимаю, что проходим по коридору мимо библиотеки. Зеркала и все стеклянные поверхности закрыты белыми простынями. Вдоль стен лаконичные вазы с ветками кипариса – символом смерти. Кипариса станет больше. Принесут, когда будут прощаться со мной, и положат на постамент к саркофагу. Кто? Поэтесса? Эмпат? Конспиролог? У бывшей военной тайны не так много знакомых, скромной будет церемония.

Знаю, что впереди гостиная, но вместо нее облако тумана. Белое и густое. Коридор заполнен отрезами ткани, свисающими с потолка. Я чувствую сквозняк от климат-системы, но легчайшая органза неподвижна. Останавливаюсь возле преграды и касаюсь полотна рукой. Толкаю его вперед и слышу тихий звон колокольчиков. Они пришиты к нижнему краю ткани.

– Что это?

– Сторожевой полог, – объясняет Трур, – невозможно пройти, не задев хотя бы одного полотна. Звон предупредит генерала. Никто не должен видеть его слез.

Веду ладонью по преграде, словно по водной глади озера. Прохладная и певучая.

– А он будет плакать?

Не верится, даже если бы я умерла по-настоящему.

– Не знаю, – хмурится Трур, рассматривая в упор, будто на мне больше нет маски. – Я боялся, что Его Превосходство ночью особняк разнесет. Так было, когда она ушла. Уехала в другой сектор, а генерал разбил всю мебель в спальне.

Вздрагиваю от воспоминаний. Обида душит на Рэма, ставшего тогда моим тюремщиком. Долго считала, что Наилий ему приказал никуда меня не выпускать, а лысый стервятник старался с наслаждением.

– Ей, наверное, плохо было здесь, вот и сбежала.

Не замечаю, как вздрагивает голос, играя плаксивыми нотками даже через хрипы, а виликус продолжает верить в мою легенду.

– Тиберий, я знаю, в тебе говорит ревность и злоба, что другой не уберег, не спас от смерти. Можешь отмахнуться, но я скажу. Любил он ее, как никого прежде. Статус женщины всегда чувствуется даже в мелочах. А с ее приходом жизнь в особняке изменилась. Одно у вас горе.

Опускаю голову, не зная, что сказать. Прав виликус.

«Знала, что любит, и все равно захотела еще раз убедиться?»

Тон строгий и чужой. Инсум? Со стороны фиктивная церемония, действительно, выглядит истерикой капризной де-

вочки. Умру назло пророчеству, и пусть всем вокруг станет плохо. Но жить и ничего не делать, зная, что из-за меня в мир не придет настоящая тройка и будущее не наступит, разве лучше?

Трур ведет сквозь полог, органза расступается, струится по плечам, опадая звоном колокольчиков. Из-за последней завесы появляется опустевшая гостиная со стеклянным саркофагом в центре. Рядом стоит в белом парадном кителе и белых брюках Наилий. Взгляд мраморной статуи – пустой и безразличный.

– Ваше Превосходство, – раздается синтезированный голос Трура, а я понимаю, что рядовой Тиберий сейчас от страха и стыда за вторжение обязан сбежать.

Не пошел генерал на тренировку, ошибся старший виликус. Резко разворачиваюсь, чтобы исчезнуть за пологом, но Трур держит за плечо. Пальцы железные, не вырвусь. Приходится обернуться и вытянуть спину перед полководцем. Наилий молча кивает вместо ответного приветствия.

– Скорбим и сопереживаем вашему горю, – говорит Трур, отпуская меня, – рядовой Тиберий знал дариссу, разрешите попрощаться.

Генерал снова кивает, игнорируя все мои вольности с субординацией. Не до них на церемонии. Я медленно иду к саркофагу, за спиной поют колокольчики. Ушел Трур, оставил нас. Смертное ложе словно инеем подернуто. Морозные узоры переплетаются белым кружевом на тонких руках, так по-

хожих на мои. Спускаются по длинной юбке погребального платья к белым туфлям и замирают на лепестках эдельвейсов. Саркофаг усыпан цветами, а несколько вплетены в волосы мертвой. Лицо по обычаю выбелено, чтобы скорбящие видели спокойную бледность, а не следы болезни и агонии. Мои глаза закрыты, губы едва тронуты перламутром, на тонкой шее ожерелье с россыпью прозрачных камней. Тусклых в полумраке. В ладонях, прижатых к груди, букет горных цветов.

– Знаю, на равнине хоронят иначе, – тихо говорит Наилий, подходя ко мне и вставая рядом, – а когда в горах теряют любимых женщин, мы забираемся к самой вершине, туда, где не тают снега и на камнях цветут эдельвейсы. Эти мне привезли ночью. Будь церемония настоящей, рвал бы их сам.

В голосе лед, китель застегнут под горло на все пуговицы, воротник настолько жесткий, что нельзя наклонить голову. От первых лучей светила вспыхивает золото на погонах, порывисто бросаюсь к генералу и обнимаю.

– Я живая, живая.

– Знаю, – глухо отвечает он и поднимает мою маску, впиваясь поцелуем. Долгим, глубоким. Есть что-то противоестественное в такой ласке над гробом с собственным телом, но мне плевать. Отвечаю на поцелуй, прислушиваясь к звону колокольчиков. Тихо, не идет никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.